

Войцех Тохман¹

Ты будто камни разгрызала

Перевод с польского Ирины Адельгейм

Вступление Сергея Романенко

Для того чтобы понять, как и почему на территории Боснии и Герцеговины (БиГ) в конце XX века возник столь ожесточенный и кровавый конфликт, каковой была война 1992-1995 годов, необходим хотя бы краткий экскурс в историю и этнологию. В течение многих веков в БиГ проживало славянское население. Его часть после османского завоевания приняла ислам, и в результате стала складываться особая этническая общность - боснийские мусульмане. Со второй половины XIX и в течение всего XX века национальные движения каждого из трех народов, проживавших на территории БиГ, - мусульман-босняков, сербов и хорватов, - используя историческую, политическую, этнологическую и конфессиональную аргументацию, стремились доказать свое исключительное право на обладание этими территориями.

Чем различаются три народа друг от друга? Самый простой ответ - конфессиональной принадлежностью. Действительно, сербы исповедуют православие, хорваты - католичество, а босняки - ислам. Со временем слово «мусульманин» стало обозначать не только религиозную, но и этническую принадлежность.

Еще одной характеристикой этнической общности является язык. Языковая ситуация в южнославянских землях крайне сложна. Помимо стандартного литературного языка, в сербском и хорватском языках существуют три диалекта - штокавский, чакавский и кайкавский (последний - только в хорватском), а также два поддиалекта - экавский и иекавский. Эти диалекты и поддиалекты переплетаются в каждой области самым причудливым образом, и зачастую локальный вариант используется всем населением данной области независимо от национальности и вне контекста литературного стандарта того или иного языка. В первую очередь это касается Боснии и Герцеговины.

Необходимо заметить, что бытующее мнение, что у языка мусульман-босняков не было лингвистических отличий от хорватского и сербского, - неверно. Язык, использовавшийся в мусульманской художественной

¹ © Copyright by Wojciech Tochman, 2002

© И. Адельгейм. Перевод, 2004

© С. Романенко. Вступление, 2004

литературе и публицистике, имел свои особенности. Существовала так называемая арабица - арабская азбука со знаками, необходимыми для обозначения некоторых звуков сербского и хорватского языков. В язык достаточно активно проникала арабская и турецкая лексика. При этом боснийско-мусульманская культурная среда сохраняла связи и со славянской культурой.

Разговорный же язык был общим для сербов, хорватов и мусульман, имевший и имеющий в Боснии и Герцеговине не только общие черты с сербским и хорватским языками, но и существенные отличия от них. Впоследствии в югославском государстве (ни в королевской Югославии, ни в социалистической, «титовской») боснийско-мусульманская языковая традиция не получила условий для нормального развития. Она возрождается только сейчас, после создания государства Босния и Герцеговина.

Территориально босняки-мусульмане (являясь этническими славянами) проживали совместно с хорватами и сербами, составляя относительное большинство в БиГ. Исторически сложилось, что большинство населения в городах составляли мусульмане, а в сельских районах - сербы. Босняки-мусульмане компактно проживали в восточной и центральной областях, а также в городах Сараево, Мостаре, Травнике, Баня Луке. Во многих местах два или даже все три народа проживали совместно, что делало невозможным образование этнически «чистых», однонациональных государств. С конца XIX века, когда национальные движения становятся основным субъектом политики, взаимоотношения босняков, сербов и хорватов в БиГ развивались самым непредсказуемым образом. То босняки вместе с сербами выступали против хорватов, то хорваты объединялись с сербами против босняков, то сербы конфликтовали с союзом босняков и хорватов. Но это была чисто идейная и политическая борьба. О вооруженной борьбе не было и речи.

В 1878 году БиГ была оккупирована, а в 1908-м - аннексирована Австро-Венгрией. Но на эту территорию претендовала и независимая Сербия, провозглашая всех жителей БиГ сербами. Вместе с тем и национальное движение хорватов, входивших в состав монархии Габсбургов, также считало БиГ «своей» территорией. Противоречия между Белградом и Венной стали той искрой, от которой разгорелся пожар Первой мировой войны. В 1918 году после поражения Австро-Венгрии и ее распада было создано Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 года - Королевство Югославия). Однако иллюзия

«славянского братства» или даже объединения нескольких народов в рамках одного государства быстро развеялась. Одним из проявлений этого неблагоприятия стала правовая дискриминация по отношению не только к мусульманам-боснякам, но и черногорцам. А территория БиГ, как и прежде, оставалась предметом соперничества сербского, хорватского и босняcko-мусульманского национальных движений.

Социально и экономически отсталая Югославия в апреле 1941 года не смогла долго сопротивляться нападению Германии и ее союзников. Страна была разделена на зоны оккупации, на ее территории были образованы различные этнически «чистые» псевдонезависимые государственные образования, державшиеся исключительно на штыках оккупантов. Босния и Герцеговина вошла в состав так называемого Независимого государства Хорватия, официальная идеология которого провозглашала босняков-мусульман этническими хорватами. Однако с этим не могли согласиться ни босняцкие, ни сербские националисты, и область превратилась в арену кровопролитных «этнических чисток», в ходе которых хорватские националисты убивали сербов и мусульман, сербские - мусульман и хорватов, а мусульманские националисты отвечали тем же и сербскому и хорватскому населению.

После освобождения и восстановления Югославии в 1945 году пришедшие к власти коммунисты-интернационалисты вместо того, чтобы найти согласие между национальными движениями, террором загоняли национальные противоречия внутрь. В первый период существования социалистической Югославии - в конце 40-х - 50-е годы - сложившаяся исторически внутренняя и внешнеполитическая ситуация оправдывала сочетание югославянской идеи, тоталитарного коммунистического режима и государственного устройства в виде этнотерриториальной федерации, которая выглядела незыблемой. Извне казалось, что причины возникновения межэтнических конфликтов - социальные, внутри- и внешнеполитические - устранены, процесс политического самоопределения югославянских народов завершен.

Но постепенно напряженность в межэтнических отношениях стала нарастать - взаимные застарелые обиды, этнические стереотипы XVIII-XIX веков и давние мифы обрастали новой плотью и при социализме. Рамки этнотерриториальной федерации, каковой была СФРЮ, становились все более узкими. Изменившиеся условия - выход на западноевропейский рынок,

усиление различий в уровне социального и экономического развития наложились на национальные противоречия, недовольство коммунистическим режимом, которое выражалось в форме национальных движений, отрицавших саму идею Югославии как единого государства этнически родственных народов.

Попытки различных конституционных реформ успеха не приносили. (Одной из наиболее значительных из них была Конституция 1974 года, в соответствии с которой была признана национальная идентичность мусульман-босняков.) К этому добавились и растущие экономические трудности, увеличение разрыва в темпах развития и уровне жизни разных республик и народов, составлявших в них большинство населения и давших им титульные наименования. Постепенно Югославия из союзного государства стала превращаться в союз государств, в котором все большую власть получала местная коммунистическая «партократия», что стало одной из причин децентрализации. Распад послевоенной, «титовской» Югославии после смерти ее создателя 4 мая 1980 года был обусловлен исторически. Идеи и принципы, на которых была построена СФРЮ, по прошествии времени постепенно изживали себя. Перегретый котел должен был взорваться, что и произошло в 1990-1992 годах.

Приведем лишь несколько основных дат, ставших вехами в развитии конфликта в БиГ - составной части конфликта на территории распадавшейся СФРЮ. В 1990 году распался Союз коммунистов Югославии. Словения и Хорватия провозгласили независимость. В 1991-м началась война в Хорватии (закончилась в 1995-м). В 1990 году в Боснии и Герцеговине состоялись первые многопартийные выборы. Победу одержали националистические партии босняков-мусульман, сербов и хорватов. Скупщина (парламент) разделилась по этническому признаку. Каждая из сторон хотела создать «свое» государство. 18 декабря 1991 года было провозглашено хорватское образование - Герцег-Босна. Оно охватило территории, которые хорватские политики считали исключительно хорватскими. 9 января 1992 года сербы попытались создать похожее моноэтническое государственное образование - Республика Сербская народа Боснии и Герцеговины. С апреля 1992-го в БиГ началась кровопролитная и ожесточенная война. Первоначально хорватская и мусульманская стороны действовали совместно против сербской. В июле 1992-го был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Боснией и Герцеговиной и Хорватией. Хорватия стала контролировать часть территории Боснии и Герцеговины, населенной хорватами. Затем и между хорватами и

мусульманами начались противоречия, символом которых стал город Мостар. Первоначально из него были выселены сербы, составлявшие примерно 45% населения. Затем город стали «делить» хорваты и мусульмане. Развалины на месте ожесточенных боев не разобраны до сих пор.

В августе 1993 года Герцег-Босна была провозглашена республикой. Но она так и осталась не признанной никем, кроме Загреба. Республика Сербская также нигде, кроме Белграда, не признавалась суверенным и независимым государством. (Россия признала Боснию и Герцеговину как суверенное, независимое и целостное государство 11 апреля 1993 года. То же сделали и другие крупнейшие государства мира.)

Международные посредники настойчиво пытались найти план решения этнотерриториальных проблем, но безрезультатно. Между тем боснийские и хорватские войска терпели поражения в борьбе с сербскими. Это вынудило мусульман и хорватов не без давления США в марте 1994 года подписать Вашингтонский договор. БиГ признавалась единым государством, но кроме Республики Сербской создавалась Федерация Боснии и Герцеговины. Она охватывала территории, на которых проживали мусульмане-босняки и хорваты и которые контролировались их вооруженными формированиями. Это позволило объединить усилия мусульман и хорватов, несмотря на незатухавшую вражду в Мостаре. В дальнейшем успех сопутствовал то одной, то другой стороне, линии фронтов постоянно менялись. Каждый стремился к полной победе, и это делало добровольное мирное соглашение практически невозможным.

С осени 1995 года США и НАТО при частичном согласии России стали оказывать военное и политическое давление на все воюющие стороны. 21 ноября 1995 года было парафировано соглашение в Дейтоне, официально подписанное 1 декабря в Париже. Этот документ, действующий и поныне, стал тем компромиссом, который при всех своих недостатках дал возможность остановить войну. Босния и Герцеговина признана целостным государством, разделенным на две части - Федерацию БиГ и Республику Сербскую. Образование Герцег-Босна прекратило свое существование. Мир в Боснии и Герцеговине по-прежнему поддерживают международные военные и полицейские силы.

При всех различиях сербского, хорватского и босняцкого национальных движений их типологически объединяло одно - стремление создать на

максимально возможной территории, которую они провозглашали «своей», собственное моноэтническое государство. В силу целого ряда причин, о некоторых из которых было рассказано выше, это оказалось невозможным. И тогда на вооружение был взят метод «этнических чисток». Они осуществлялись по-разному - иногда население определенной национальности просто бежало перед наступлением войск противной стороны; иногда «победители» выселяли мирных жителей, иногда уничтожали. При этом «национальная идея» зачастую служила лишь прикрытием или оправданием уголовных преступлений и поведения, обусловленного стадным инстинктом, неизбежное следствие которых в нормальной, мирной жизни – наказание по суду.

Наибольшую «известность» получила зверская «чистка» - в Сребренице. Только в июле 2004 года власти Республики Сербской наконец признали упорно доселе отрицавшуюся ими вину сербских военизированных формирований за эту резню. Тогда было убито более семи тысяч юношей и мужчин-мусульман. Впервые представители сербской стороны приняли участие в захоронении примерно 300 опознанных жертв. А всего убитых - около полутора тысяч. Остальные либо еще не найдены, либо не идентифицированы.

На вопросы «Кто виноват в этой войне?» и «Кто ее начал?» практически нет ответа. Виновны все стороны. И началось это одновременно: в одном месте представители национальности X изгнали или убили представителей нации Y, а Y в другом месте так же поступили с Z. Однако речь не идет и не может идти о вине и об ответственности целых народов. Речь может идти только об ответственности отдельных личностей, отдававших или исполнявших преступные приказы. Установлением именно этой индивидуальной ответственности и занят Международный трибунал в Гааге. Установлением именно этой индивидуальной ответственности начали сейчас заниматься суды в Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговине. Трудность расследования состоит и в том, что привлекать к ответственности придется очень многих людей, а трагизм - в том, что вполне мирные обыватели - бывшие учителя физкультуры, полицейские, даже поэты - превратились в палачей. А теперь они вновь стали обывателями, только скрываются от фото- и телекамер и от правосудия. И они все одинаковы - сербские политики и генералы, скрывающиеся от Гаагского трибунала или своих судов, ничем не отличаются от своих хорватских или босняцких «коллег».

Польский журналист Войцех Тохман, работающий в фонде ИТАКА, занимающемся поисками пропавших людей, описал то, чему он был свидетелем, - последствия войны 1992-1995 годов. Да, он в основном описывает последствия «этнических чисток», совершенных сербскими военизированными формированиями по отношению к мусульманам-боснякам. Материалы этой книги могут привести в недоумение российского читателя - в отечественных СМИ ни во время военной фазы конфликта, ни после ее окончания не уделяли слишком много внимания преступлениям против мирного населения. В особенности совершенным сербской стороной. Люди, ведущие расследования и эксгумации, считают, что представителями сербской стороны совершено больше подобных преступлений, чем хорватской или мусульманской. Но этот факт не может служить ни обоснованием обвинения всего сербского народа, равно как не может служить и оправданием преступлений, совершенных представителями двух других народов. Когда читаешь подобного рода свидетельства, национальность - вовсе не главное. Главное - трагическое - состоит в том, что одни люди смогли ТАК поступить с другими.

Однако надо не только назвать имена преступников, но и установить имена их жертв. Тысячи людей до сих пор считаются пропавшими без вести, среди них - и босняки-мусульмане, и сербы, и хорваты. Книга польского журналиста лишь приоткрывает военный и послевоенный ужас. Утрата близких, отсутствие известий об их судьбе, невозможность похоронить и поклониться могиле, безработица, нищета и отсутствие сколько-нибудь реальной возможности из нее выбраться, чувство безысходности не только у старших, но и у новых поколений, лагеря для беженцев, жителей которых некуда возвращаться, сохранившиеся до сих пор во многих местах минные поля, на разминирование которых нет денег ни у местных властей, ни у международных организаций, - все это еще долго будет определять жизнь в Боснии и Герцеговине, земном рае, ставшим полем адского эксперимента по созданию этнически «чистых» государств.

Сергей Романенко,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИМЭПИ РАН

*Сталкиваясь с подобной трагедией,
во сто крат сильнее ощущаешь, что прежде всего ты - человек.
И лишь затем - представитель той или иной нации.
Принадлежность к роду человеческому объединяет нас в беде, в ее
переживании.
Хочется, чтобы люди восприняли это именно так.*

Тадеуш Мазовецкий,
специальный докладчик Комиссии по правам человека ООН в бывшей
Югославии в 1992-1995 гг.

Мороз

Был последний день того года, когда началась война (1992). Мы везли гуманитарную помощь осажденному городу. К Боснии подъехали с юга. Пока не стемнело, успели разглядеть опустевшие деревеньки. Дома и храмы разрушены до основания. А что сделали с людьми?

Мы ехали через Мостар, но города не видели. Словно лес: мелькает, вроде, за темным окошком, но что там такое - не разберешь. Страшно останавливаться, страшно туда углубляться.

Перед самым Сараево нас остановили сербские солдаты. Пьяные, они то смеялись, то переходили на крик. И так всю ночь. На рассвете забрали часть груза и пропустили в город. Ударил мороз.

В городе среди изрешеченных снарядами многоэтажек и частных домиков мы увидели людей - голодных и перепуганных. Мы тоже боялись: вокруг не прекращалась стрельба. Нами занялся Драган Л., сын хорватки и боснийского серба, которые решили остаться в окруженном Сараево. Он оказался прекрасным гидом и помощником. Говорил, что, когда все это закончится, он, если уцелеет, сбежит куда-нибудь за границу, потому что здесь уже никакой жизни не будет. Где-то теперь наш Драган?

В больнице мы разговаривали с людьми, лишившимися рук, ног, глаз. Сильвия (фамилию мы не записали), анестезиолог, повторяла:

- Нужны антибиотики, перевязочный материал, кровати, костыли, протезы, инвалидные коляски и гробы.

На улицах попадались также журналисты: репортеры, фотокорреспонденты, кинооператоры. Бывали здесь и писатели, и киношники. Ходили целыми группами или поодиночке, говорили на разных языках. Больше всего их понаехало сюда через год (в феврале 1994-го) - поглазеть на рынок Маркале, где взорвавшаяся мина в одно мгновение унесла десятки жизней.

Телеграмм, репортажей, выставок, книг, альбомов, документальных и художественных фильмов о войне в Боснии тысячи и тысячи. Но когда она закончилась (или, как считают некоторые, была на время приостановлена), журналисты тут же зачехлили камеры и отправились на другие войны.

Одежда

Зал в деревенском Доме культуры открывается раз в неделю - по четвергам. Зайти и посмотреть может любой желающий, так что сюда едут и из ближайших окрестностей, и издалека. Каждый надеется, что именно здесь получит ответ на свой вопрос. В зале имеется сцена, но нет мест для зрителей. Прямо на полу, на коричневой плитке разложена одежда. По порядку: вещи, найденные на первом человеке, на втором... на семидесятом и так далее. Предварительно все было выстирано, чтобы вернуть первоначальный цвет. Развешано на веревках, высушено. Теперь разноцветные одежки лежат плотными рядами, но так, чтобы каждый предмет был виден. Редко это оказывается полный комплект одежды. Вот, например, у самого входа - только трикотажная футболка в белую и синюю полосу. Ее явно носил плотный мужчина. А вон в той, с надписью «Монтана», ходил какой-то худышка. Вельветовые брюки, когда-то белые, теперь пожелтевшие. Кому они принадлежали? У окна - одна джинсовая штанина. Чья? Идем дальше: один кожаный пояс, одни трусы, одна тенниска, один черный носок. Возле каждой вещи - а точнее, оставшихся от нее лохмотьев - пустой бумажный пакет, в котором они хранились. И листок с длинным, набранным на компьютере номером.

Перед номером - буквы.

«В» («body»²) означает, что, кроме одежды, удалось обнаружить все кости, череп и зубы ее владельца. Другими словами, все тело полностью.

«ВР» («body parts»³) - найдено только несколько костей, то есть часть тела.

«А» («artifacts»⁴) - имеется лишь одежда, иногда еще какие-то предметы.

Костей нет.

² Тело (англ.). (Здесь и далее – прим. перев.)

³ Части тела (англ.).

Все это выкопано осенью 1999 года неподалеку отсюда, в Кевлянах (поэтому перед номером стоят буквы «KV»). Тамошнее массовое захоронение продолговатой формы, несколько сот метров вдоль шоссе (предварительно углубленная, а после засыпанная придорожная канава). Кевляны расположены неподалеку от рудника Омарская, где в 1992 году был устроен концентрационный лагерь для мусульман и в том же самом году ликвидирован. В Омарской держали в основном мужчин, хотя попадали туда и женщины. Они большей частью выжили.

В зал Дома культуры приезжают люди, разыскивающие своих близких, если есть основания предполагать, что восемь лет тому назад те оказались в Омарской. Входят, затыкают нос. Ничего не поделаешь, другого пути нет. Они приехали, чтобы увидеть, отыскать и похоронить. В надежде, что это принесет им долгожданный покой и облегчение.

Они смотрят. Между вещами - узенькие проходы. Стараясь ни на что не наступить, люди двигаются подобно канатоходцам. Замирают над каким-то предметом. Сомневаются - проходят дальше, останавливаются, делают еще шаг. И так полчаса, час, три. Кто как.

По залу бегают крысы.

Молодая пара с семилетней дочкой на руках ищет отца - дедушку малышки. Уже довольно долго они стоят возле вещей под номером «KV 22 В».

В другом конце зала склоняется над какими-то лохмотьями седая женщина в синем костюме. Она не отходит от них с самого утра. Все возится с одеждой, словно хочет уложить покрасивее. Поправляет темные брюки, светлую рубашку и то, что раньше было бордовым свитером. Поглаживает, будто прикасается к живому человеку.

Ее называют здесь мать Мейра.

«Body bags»⁵

Молодые люди с семилетней девочкой, так долго разглядывавшие одежду под номером «KV 22 В», что лежит недалеко от сцены, зовут специалиста по идентификации останков. Подходит энергичная седая женщина в джинсах. Это Эва Эльвира Клоновски.

Доктор Эва Клоновски: 1946 года рождения, антрополог по образованию, член Американской академии права, замужем, имеет детей, эмигрировала из Вроцлава во

⁴ Артефакты, предметы, произведенные человеком (англ.).

⁵ Пакеты для тел (англ.).

время военного положения, теперь живет в Рейкьявике. Здесь она специализировалась в установлении отцовства, поскольку не могла заниматься тем, что увлекает ее больше всего на свете - костями.

- Я люблю кости, понимаю их язык. Смотрю на скелет и вижу, чем человек болел, как ходил, в какой позе предпочитал сидеть. Умею по костям определять национальность. У мусульман бедренная кость слегка выгнута от постоянного сидения на корточках. У японцев - то же самое, они часто стоят на коленях.

История предоставила доктору Эве возможность заниматься любимым делом. Война в Боснии и Герцеговине и ее последствия: концентрационные лагеря, массовые казни, массовые захоронения, массовые эксгумации. Идентификация останков.

Доктор Эва сделала прививки от столбняка и гепатита, упаковала вещи. В аэропорт ее провожали муж и две дочери-школьницы.

В Боснии она работает с 1996 года. Сначала по поручению Гаагского международного трибунала (судьям нужно знать, кто убил, как именно и сколько человек - фамилии жертв их не интересуют). Теперь - для Боснийской комиссии по делам без вести пропавших, которую финансируют исландское и американское правительства (здесь первоочередная задача - как раз идентификация останков). Доктор Эва выкопала две тысячи тел. Вытащила из колодцев, достала из пещер, выгребла на свалке или извлекла из-под свиных костей.

Вот она сверяется с документами, надевает резиновые перчатки, поднимается на сцену. Молодые супруги (по-прежнему с дочкой на руках) остаются в зале. Эва ходит (осторожно, стараясь ни на что не наступить) вдоль рядов небольших, плотно закрытых пластиковых пакетов. Ищет номер «KV 22 B».

Наконец доктор Клоновски обнаруживает нужный мешочек, открывает его. Вынимает верхнюю челюсть, затем нижнюю с несколькими сохранившимися зубами, потом еще горсточку выпавших зубов. Вкладывает их в соответствующие лунки, ловко собирает все воедино. Подходит к краю сцены и показывает родственникам:

- Это похоже на вашего отца?

Молодая женщина внимательно смотрит, поглядывая на мужа, словно тот в состоянии что-либо ей подсказать. Их маленькая дочка продолжает затыкать нос.

- Да, похоже, - отвечает женщина совершенно спокойно.

- О'кей, - доктор Эва прячет челюсть в мешок и кладет его на место. -

Пойдемте дальше.

Дальше - значит на другой конец деревни (она называется Луци Паланка). Там находится бетонный ангар, бывшая рабочая столовая.

Несколько месяцев тому назад перед этим ангаром выставили большие столы, с ближайшего двора протянули шланг с водой. Вокруг столов толпились местные жители - мужчины, женщины и дети. Смотрели, как доктор Эва сортирует кости, определяет по ним пол и возраст жертв, укладывает в «body bags».

Теперь «body bags» лежат в темном ангаре на полу. В ожидании тех, кто сможет опознать их содержимое. Белые пластиковые мешки на молнии, похожие на огромные, двухметровые чехлы для мужских костюмов.

Мы ищем «body bag KV 22 B». Вот он, у стены, в самом углу. Сверху - еще несколько пакетов. Доктор Эва снимает их, откладывает в сторону, вытаскивает нужный. Расстегивает молнию. Маленькая девочка тоже смотрит, но на это никто не обращает внимания. Доктор Эва не удивляется. Удивлялась она четыре года тому назад, сразу после приезда в Боснию.

- Зачем вы приводите сюда детей? - спрашивала она.

И в ответ неизменно слышала:

- Чтобы они это запомнили.

- У вашего отца были проблемы с бедром? - Эва держит одну часть тазобедренного сустава в правой руке, другую - в левой.

- Что-то такое было, - говорит женщина. - Он перенес операцию.

- А передвигался он вот так? - доктор изображает «утиную» походку.

- Нет. Пожалуй, нет.

- А этот точно так ходил. Вам нужно найти больницу, в которой отца оперировали. Может, у них сохранились какие-нибудь документы.

- Хорошо. Я приеду в следующий четверг.

- Тогда мы возьмем у вас кровь. Сравним вашу ДНК с ДНК этих костей. И будем знать наверняка.

Теперь Эва может немного передохнуть. Мы возвращаемся в Дом культуры.

Седая женщина в синем костюме, которую мы видели здесь раньше, ненадолго отрывается от приковавших ее внимание вещей. Готовит нам в соседней комнате кофе.

- Мать Мейра, - представляется она. - Я приезжаю сюда каждый четверг. Помогаю доктору Эве, утешаю родственников.

Купание

Мейра Даутович (пятидесяти восьми лет) жила в Приедоре. Той весной (1992) сербы гнали по городским улицам молодых мусульман, словно «живым щитом» прикрываясь ими от бойцов местной самообороны. На административных зданиях и на вокзале развевались сербские флаги. Мусульманским жителям было приказано немедленно вывесить в окнах белые простыни, а на рукава повязать белые повязки. В многоэтажках засели снайперы.

Сегодня Приедор - это Республика Сербская⁶. Там нет места для матери Мейры. Они с мужем живут теперь в городе Босански-Петровац, в чужом, сербском доме.

Мы следуем за Мейрой по узким проходам между вещами. Останавливаемся возле той одежды: темные брюки, светлая рубашка и то, что раньше было бордовым свитером. Она наклоняется, поправляет штанину. Выпрямляется, чтобы посмотреть, красиво ли получилось.

- Это Эдвин, - говорит она, словно представляя нас друг другу. - Мой сын. Все совпадает: и пол, и возраст, и рост, и зубы. Но доктор Эва еще не совсем уверена. У нас пока не проверяли эту самую ДНК. Был у меня Эдвин, - Мейра снова наклоняется, снова поправляет брюки. - А еще была Эдна. Я знаю все, что случилось с моей девочкой. Кто ее бил, кто насильовал. Не знаю только, куда уехал тот автобус. Куда ее из Омарской увезли. Одежды нигде нет. Хоть бы туфельку найти...

Вот уже несколько лет мать Мейра ездит по округе и расклеивает по стенам фотографии своих детей. Она даже написала о них книгу. В надежде, что кто-нибудь наведет ее на след и она узнает правду. Мейру интересуют три вопроса. Как дети погибли? Кто их убил? Где их тела?

Слезы (без которых не обходится ни один день) мать Мейра прячет от мужа - чтобы лишней раз не расстраивать: Узеир и так болен, после всего случившегося он перенес уже два инсульта, молчит целыми днями. А то вдруг вскакивает и принимается колотить себя кулаками по голове. Потом валится навзничь, лежит, закрыв ладонями искаженное лицо. Мечется, будто уворачиваясь от пинков незримого палача. Тот бьет его в живот. Со всей силы. Потом в грудь, по голове, Узеир снова прячет лицо. Появляется еще один невидимый мучитель. Этот обычно набрасывается сзади. Узеир подскакивает, падает, извивается гигантской буквой «S». Стонет. И вдруг умолкает. Поднимается во весь рост. С презрением глядит

себе под ноги. Он уже не тот перепуганный отец, что пришел в сербский комиссариат разузнать о судьбе дочери. Теперь Узеир стоит над незримой жертвой в позе победителя. Издает какие-то непонятные возгласы. Кого-то злорадно пинает ногами. Он груб, удары становятся все сильнее.

- Успокойся, - просит мужа Мейра.

В 1992 году, когда разразилась война, их сыну Эдвину было двадцать семь лет. Он закончил электротехникум. Владел английским и немецким. Занимался карате, имел черный пояс. Той весной Эдвин вступил в отряд местной мусульманской самообороны и в конце мая вместе с сотней ополченцев пытался освободить Приедор. Был ранен в бою, умер на следующий день. Так утверждают свидетели.

Но есть и другая версия его смерти. И другие свидетели видели Эдвина в Омарской. Видели, как пытали парня на глазах у сестры. Видели, как 16 июня его труп забросили в кузов желтого грузовика. Машина скрылась в неизвестном направлении. Может быть, в Кевляны, надеется мать Мейра, к той придорожной канаве, которую сперва углубили, а после засыпали. Вот ведь и одежда совпадает, и рост, и пол, и возраст, и зубы.

Эдне, сестре Эдвина, было двадцать три года. Веселая, энергичная, общительная. Работала в хозяйственном магазине, который отец специально для нее открыл на первом этаже их дома. Заочно училась на педагогическом в Тузле. В свое время хотела стать фотомodelью. «Фигурка у нее была как у Барби», - пишет в своей книге мать Мейра. Мечтала скопить денег на лошадь и домик на горной поляне. Она любила ходить по горам. Занималась дзюдо, карате, хорошо стреляла. Так что, когда началась война, Эдна, не раздумывая, последовала примеру брата.

В конце мая она участвовала в боях за освобождение Приедора. Подносила солдатам боеприпасы, лекарства и перевязочные материалы. Сумела вывести нескольких раненых. Когда все закончилось, смертельно напуганная Эдна вернулась к родителям. Все вместе они укрылись в сарае рядом с домом. Так и жили несколько дней.

«Она попросила, - пишет Мейра, - согреть ей воду для купания. В мусульманских домах не было электричества, так что я растопила печку. Добрый Аллах позволил мне в последний раз искупать мою девочку». Приехали два милиционера и забрали Эдну. Дочка хотела взять с собой свитер, но те сказали, что

⁶ Часть Боснии и Герцеговины, иногда также называемая Республикой боснийских сербов.

он ей не понадобится. Узеир сразу побежал в милицию, чтобы узнать о судьбе Эдны. Его избили и выгнали.

Сказали, что Эдну везут в Омарскую.

Мать Мейра позвонила Небойше Б.

Она хорошо его знала.

Когда-то Небойша ухаживал за Эдной, а теперь это был главный следователь в Омарской.

Узнав, кто звонит, парень не соизволил подойти к телефону.

Именно Небойша Б., рассказывают уцелевшие узницы, чаще всего и допрашивал Эдну.

После его допросов девушка была едва жива.

Сегодня Небойша Б. живет в Приедоре, работает в полиции.

Автобус

Эдну вместе с другими женщинами держали в бараке на чердаке. Как раз над камерой допросов. Днем и ночью они слышали, как внизу пытаются мужчин.

Мать Мейра все еще оставалась в Приедоре. Она пошла к подруге, что жила на соседней улице. Предложила той все, что имела.

- Ты же сербка, - просила Мейра. - Сделай что-нибудь, пусть Эдну отпустят домой.

У подруги были свои заботы. Славко, муж, третий день не появлялся дома. Уехал в Кератерм и как в воду канул, хотя собирался сразу вернуться. Сегодня Мейра знает, что его задержало: в Кератерме тоже был лагерь. Как раз тогда в нем уничтожили двести пятьдесят человек.

Убить, смыть кровь со стен, закопать - на все это требуется время.

Потому Славко так долго и отсутствовал. Он вернулся в Приедор лишь спустя четыре дня.

Позвал Мейру.

- По дороге я заехал в Омарскую, - сказал он. - Видел Эдну. Она даже головы не подняла, не поздоровалась. Дрожала вся, как осиновый листок. Бледная. Я пошел в канцелярию, хотел за нее вступиться. Но ничего не получилось. Эдна осуждена за участие в акции против нашей армии.

Через три дня, как стало теперь известно матери Мейре, в лагере объявили, что несколько десятков мусульманских заключенных обменяют на сербов. Из

женщин выбрали Эдну и еще одну узницу, остальные были мужчины. Весь лагерь им завидовал - счастливики, вот-вот попадут к своим.

Приятельница помогла Эдне забраться в автобус (с табличкой «Школа»). Больше этого автобуса никто не видел.

Хромосомы

В городе Тузла расположены соляные копи. Есть еще большое кладбище. У кладбищенских ворот - здание конторы. Рядом - большой металлический ангар. На вид совсем новый. Перед ангаром - мужчины в пластиковых комбинезонах, очень удобных, с капюшонами.

Здесь нашлась работа для молодых людей - возить пустые тележки и тачки.

Позади конторы - вход в туннель. Раньше он вел в копи, а теперь это стометровый тупик. Внутри - едва освещенные многоэтажные нары, на которых лежат «body bags». Мокрые - с потолка капает. Рабочие хватают каждый по одному грязно-белому пакету, бросают на тележку и бегом к новому ангару. Тележка тяжелая и неуклюжая, как бывает в супермаркете, если набрать слишком много продуктов. Ребята не всегда справляются с поворотами.

Морг переезжает в новое здание.

В туннеле сложены кости - предположительно тех мужчин, которых тогда, в июле, видели во время селекции. Они пропали без вести. Теперь их тела найдены и эксгумированы. Мужчины NN ... Они лежали, как правило, в повторных массовых захоронениях - так называемых вторичных могилах. После того как американский спутник обнаружил свежевскопанную землю, убийцы пытались замести следы: разрывали экскаваторами могилы и перепрягивали останки жертв (например, на мусорную свалку). Видимо, именно таким образом и были ликвидированы многие первичные захоронения на берегах Дрины.

Теперь антропологам и судебным медикам приходится ломать голову: кости из повторных захоронений хуже поддаются сортировке. Из них труднее составить целого человека (вот почему большинство пакетов имеют маркировку «BP»). Еще сложнее собирать так называемые «поверхностные тела», то есть те, что вообще не закапывались, а просто были брошены где-нибудь в окрестных горах. Время, дожди и дикие животные также добавили судебным медикам работы.

Удалось установить, что собранные в лесу кости принадлежали группе из четырехсот семнадцати человек. Среди них были и мужчины, и женщины, и дети: через горы нередко бежали целыми семьями. Если погибли все, то и разыскивать их

теперь некому - никто не заполнит специальную форму для поиска без вести пропавшего, не сообщит так называемые предсмертные данные. Эти люди нигде не числятся. Они обречены на забвение.

Ангар в Тузле выглядит внушительно. В морге, занимающем большую часть здания, нужная температура поддерживается с помощью компьютера. Стены здесь до самого потолка заставлены стеллажами. Металлические «противни» на легких, тоже металлических опорах. Двухметровые, на колесиках. Один человек подвозит «body bag», другой уже ждет с пустым «противнем», поставленным на автокар (цветной, явно новенький). Мужчины перекладывают белый пакет на «противень», автокар поднимает груз на соответствующую высоту, а поскольку «противень» на колесиках, то дальше его уже совсем легко вкатить на полку. Похоже на безупречно подогнанные выдвижные ящики.

К сожалению, проектировщик предусмотрел не все: «выдвижных ящиков» слишком мало - всего восемьсот шестьдесят. А белых пакетов уже три с половиной тысячи. Выход из положения придумали здешние рабочие: каждый мешок они сворачивают, словно спальник (это несложно, внутри - пара килограммов разрозненных костей), тогда на один «противень» помещаются три тела.

Но что делать, когда найдут остальных мужчин? Еще несколько тысяч человек. Куда их складывать?

Надо освобождать место: как можно быстрее идентифицировать останки - те, что уже лежат на «противнях». И похоронить их. Но результаты не слишком обнадеживают: пока опознано всего семьдесят шесть тел, да и то лишь благодаря имевшимся при них документам (вообще-то люди боялись держать бумаги в карманах, старались от них избавиться).

Чтобы ускорить процесс, вот-вот издадут каталог с фотографиями одежды. Рассортированной и выстиранной, как и в деревне Луци Паланка. Этот альбом смогут увидеть все желающие. В первом томе, который уже печатается, триста пятьдесят снимков.

Все, что здесь происходит (сооружение морга, идентификацию костей), финансирует Международная комиссия по делам без вести пропавших, созданная президентом Соединенных Штатов после окончания войны в Югославии. Комиссия оплатит и создание лабораторий, в которых будет проводиться анализ ДНК.

ДНК находится в хромосомах, а хромосомы - в ядре каждой клетки человеческого тела.

Такая лаборатория появится и в Тузле. Родственников (детей, родителей, братьев и сестер), заполнивших специальную форму, вызовут, чтобы взять у них кровь на анализ. По ее клеткам специалисты определяют ДНК. Полученные данные введут в компьютерную базу.

Кроме того, они извлекут ДНК из клеток тех костей, которые лежат в «body bags». Результаты этих анализов также поместят в базу данных. Поскольку у каждого человека половина хромосом идентична материнским, а половина - отцовским, можно будет составить компьютерную программу, позволяющую определить, какой «body bag» «соответствует» тому или иному родственнику. Стоимость одной такой процедуры не превышает сотни долларов. И мир готов за это заплатить.

Анализ ДНК - нечто совершенно новое для военной истории. Как и «body bags», Интернет, компьютерные программы, компьютеризованные морги, автокары, «противни» на колесиках. Зато все остальное уже было: лагеря, бараки, селекции, гетто, убежища, укрывание преследуемых, повязки на рукавах, горы снятой с убитых обуви, голод, мародерство, ночной стук в дверь, исчезновение с порога собственного дома, кровь на стенах, сожженные дома, спаленные вместе с загнанными туда людьми овины, зачистки деревень, блокада городов, «живые щиты», изнасилования, стремление прежде всего уничтожить интеллигенцию, колонны беженцев, массовые казни, массовые захоронения, эксгумация тел, международные трибуналы, без вести пропавшие.

Во время войны в Боснии пропало без вести около двадцати тысяч мусульман.

Если удастся их отыскать, состоятся похороны и прозвучит молитва - так велит Коран.

Путь

В автобусе не продохнуть, пассажирки курят папиросы. Они не дают приоткрыть окошко даже на сантиметр, потому что стекла и так заиндевели - отопление не работает. Женщины одеты в длинные теплые юбки, головы повязаны платком, и все равно их бьет дрожь. Не от холода, скорее от волнения. А может, от страха, хоть они и говорят, что самый большой страх уже позади. Они оставили его в тот день в той долине. Сильнее испугаться все равно уже невозможно, вот почему женщины рискнули туда съездить - некоторые уже во второй или даже третий раз.

Мы выезжаем из Сараево. Двигаемся на восток. Дорога крутая, неровная и скользкая. Несмотря на апрель идет снег. Нам предстоит преодолеть сто пятьдесят километров, до цели мы рассчитываем добраться к полудню.

Мубина Смайлович (тридцати шести лет) решила на это путешествие только сейчас.

- Это недоступно моему пониманию, - говорила она матери пять лет назад, сразу после тех событий. - Какой смысл?

- Узнай мы хоть что-нибудь, - говорила она два года назад, - быть может, нам стало бы легче.

- Невозможно жить в двух мирах, - говорила она год назад. - Одной ногой в том, другой - в этом.

- Давай туда съездим! - предложила она недавно. - Поглядим что и как.

- Нет, - ответила мать. - Никогда.

Сегодня Мубина встала затемно. Поцеловала спящих сыновей. Перекинулась с матерью несколькими фразами (у той бессонница), проглотила с кофе белые таблетки (вместо завтрака, так рано никто здесь не ест). Надела полупальто и бегом спустилась с восьмого этажа (лифт уже который год сломан, мама многие месяцы не выходит из дому). Автовокзал - сразу за мостом. Села на переднее сиденье, рядом с водителем, чтобы хорошо все видеть.

Мубину невозможно не заметить, даже сядь она сзади. Красавица: темные грустные глаза, рыжие волосы (краска скрывает седину), широкая улыбка (иногда она все же улыбается) и глубокие морщины. Худая, стройная, высокая, энергичная, в джинсах, никаких платков на голове. Переписывает пассажирок - немолодых, невеселых, ненакрашенных. Прежде чем двинуться в обратный путь, она проверит, все ли вернулись в автобус.

Мубина притворяется спокойной, хотя, возможно, боится больше других «экскурсанток». Она не знает того страха, какой пять лет назад испытали другие женщины. Мубины тогда там не было. Она уехала тремя годами ранее, в апреле 1992-го.

В апреле 1992 года в Боснии началась война.

Мубина бежала вместе с родителями и маленькими сыновьями - четырехлетним и четырехмесячным.

- Поедем с нами, - просила она мужа.

- Кто же будет лечить животных, если я уеду? - возразил тот. - Останусь, присмотрю за хозяйством. Все уляжется - вернетесь.

Сегодня ровно восемь лет с того дня, как Хасан произнес эти слова.

Все улеглось.

И Мубина отправляется в обратный путь.

Сливы

Окошки уже оттаяли, за ними - цветущие луга. Мы подъезжаем к Дрине, к Братунацу. Минуем деревни, знакомые Мубине с детства. В последний раз она видела их восемь лет назад. Сегодня все выглядит иначе: кучи щебня, обугленные руины, цветущие сливы - и ни души.

Сразу после того как началась война, Мубина, ее родители и маленькие сыновья уехали из Братунаца в Белград. А там отец заявил:

- Я возвращаюсь домой.

- Остайся, - уговаривали женщины.

- Присмотрю за хозяйством, все уляжется - и вы тоже вернетесь.

- Остайся...

- Я добрался, - позвонил он из Братунаца. - Мне так спокойнее.

Но вокруг было совсем не спокойно. На следующий день отец не брал трубку.

И муж не подходил к телефону. Ни дома, ни в ветеринарной клинике.

- Что случилось? - беспокоилась Мубина. Она позвонила соседям.

- Вчера ваш отец вышел из дому, - начала соседка. - Постоял, поглядел по сторонам.

- Он так делал каждое утро на протяжении нескольких десятков лет, - прервала Мубина соседку. - Говори, что дальше было?

- Похоже, вчера мы видели его в последний раз. Подъехали четники⁷.

Спросили фамилию, сверились со списком, затолкали в машину. Потом они снова появились, уже без отца, зато с ключами от машины. «Фольксваген» ваш забрали.

И по сей день Мубина не знает, что же произошло: кто увез отца, куда?

- Я должна найти тело, - она вытирает глаза, вынимает губную помаду, открывает пудреницу.

Мы въезжаем в Братунац.

⁷ В XV-XIX вв. участники вооруженной борьбы партизанских отрядов (чет) против османского ига. В XX в. участники националистического великосербского движения в Югославии, в годы Второй мировой войны вели вооруженную борьбу против Народно-освободительной армии Югославии. Герои книги Тохмана употребляют слово «четник» в переносном смысле - в значении «член вооруженной сербской группировки» или даже просто «серб».

Братунац стоит на широкой равнине, почти на самом берегу Дрины. Река отделяет Республику Сербскую от Сербии (которую отсюда отлично видно). Ничего примечательного: несколько улиц, гостиница с бездействующим фонтаном (это в ней генерал Ратко Младич издевался над командиром голландского миротворческого батальона⁸), банк, где когда-то работала Мубина, две школы, частные домики, пара многоэтажек, люди на улицах.

Они просто стоят и смотрят по сторонам, но в Боснии это обычное дело. Уровень безработицы достигает шестидесяти процентов, а тут небось еще выше.

Братунац примечателен только одним: по соседству находится Сребреница.

Пять километров по асфальтовому шоссе строго на юг, мимо фабричных корпусов в деревне Поточары - и вот вы уже в городке, расположенном в узкой зеленой долине. Пассажиры автобуса всю дорогу твердят, что места здесь удивительно красивые, а земля богата минералами. И вода целебная - красноватая от железа, отличное средство против анемии.

Мубина не хочет идти в Сребреницу, даже не глядит в ее сторону.

Там пропал Хасан.

Веревка

Несколько лет назад о Сребренице писали газеты всего мира. Жили здесь в основном мусульмане, а когда в Боснии вспыхнула война, сюда бежало и мусульманское население окрестных деревень. Всего в этом городке их собралось около тридцати тысяч. И еще столько же в предместьях. Сербы ушли к своим, хотя их вроде бы никто не трогал. Сербские войска окружили город и прилегающие территории плотным кольцом и держали блокаду три года. Организация Объединенных Наций провозгласила Сребреницу «зоной безопасности», что якобы означало гарантии для населения.

На протяжении трех лет местная больница ежедневно принимала около тридцати раненых. Работал всего один хирург. Ноги и руки он ампутировал тем, что имел - опасной бритвой и серпом. Не было ни наркоза, ни антибиотиков. На протяжении трех лет в Сребренице умирало в среднем по пять человек в день. А иногда и все двадцать (не считая убитых на месте).

Не было средств гигиены, лекарств, соли. Люди питались травой, корешками, цветами орешника. Пекли из кукурузных початков хлеб, который камнем лежит в

⁸ Видимо, имеется в виду сцена, когда Младич заставил полковника Карреманса, командира голландского батальона миротворческих сил, бойцы которого на тот момент фактически превратились в заложников, выпить

желудке, вызывая сильную боль. Потом стали есть то, что сбрасывали с натовских самолетов. Но небесной пищи не хватало, так что, когда она падала на землю, оголодавшие люди выхватывали ножи и боролись за хлеб насущный с оружием в руках.

Конец наступил 11 июля 1995 года.

Отряды боснийской обороны сами покинули пригороды: ООН сообщила, что вот-вот появятся самолеты НАТО - будут бомбить сербские позиции.

Натовцы опоздали. Сербы вошли в город.

В тот день женщины из нашего автобуса и испытали страх, какого не знает Мубина. Она не проходила селекцию в деревне Поточары.

Селекцию проходила Зинета М. (сорока восьми лет) - теперь она живет в Вогоще под Сараево. Зинета сегодня с нами не поехала, потому что после того июля побывала в своем доме уже трижды. К четвертому визиту она пока не готова.

В день, когда на окраинах города появились отряды Ратко Младича, люди сами шли в Поточары. Они рассчитывали на помощь стоявших там голландских солдат⁹. И Зинета с дочкой (тогда одиннадцатилетней) и старшим сыном (двадцатилетним) были среди этих двадцати тысяч мусульман.

В Поточарах людям велели разделиться: женщины и дети направо, мужчины налево. Считать ли мальчика еще ребенком или уже мужчиной, определяли с помощью веревки, натянутой на высоте 150 сантиметров (некоторые называют цифру 140, другие - 160). Если ребенок оказывался выше, его у матери забирали.

Голландцы беспомощно наблюдали за происходящим.

- Его звали Кирам, - начинает Зинета свой рассказ.

- Мама, не смотри так, - сказал сын на прощание. - Ну не могут же они нас всех тут поубивать.

- Не трогайте моего брата! - кричала дочка, но какой-то серб схватил ее и отбросил в толпу женщин.

- Когда сына вырвали из моих рук, я стала считать его шаги, - продолжает Зинета. - Один, два, десять, все дальше от меня. Я кричала, он обернулся. Двадцатый шаг, тридцатый, вот он уже почти у самого здания фабрики. Там его остановили четники, велели бросить сумку. Чемоданов была огромная гора, этажа, наверное, в три. Кирам еще раз посмотрел на нас. И вошел в здание.

рюмку ракии за сотрудничество боснийских сербов и мирового сообщества.

⁹ То есть голландского батальона миротворческих сил.

В тот день в Поточарах стояла невыносимая жара, людей мучила жажда - воды не было. Среди сербов женщины узнавали своих соседей, одноклассников, коллег по работе, дети - школьных учителей.

Наконец в Поточары прибыл сам генерал Ратко Младич, командующий армией:

- Я приехал сообщить, что Сребреница принадлежит сербам, - объявил он женщинам через громкоговоритель. - Убивать вас незачем.

Женщин и детей отделили от семи тысяч мужчин (некоторые утверждают, что их было десять тысяч, другие - что двенадцать). С мусульманок срывали золотые цепочки, снимали обручальные кольца. Некоторых девушек - самых красивых - куда-то уводили. Потом они возвращались, едва держась на ногах. Всех женщин затолкали в автобусы и грузовики. Зинета с дочкой покинули Поточары только на следующий день, около восьми вечера. Они не знали, куда их везут, зачем. Ехали через Братунац, Кравицу, Нова-Касабу, почти до самого Кладаня. Их высадили, когда уже стемнело, в десяти километрах от линии фронта.

- Идите, - услышали они. - Идите к своим. Только держитесь середины дороги. На обочинах лежали люди.

- Мы, - вспоминает Зинета, - даже не посмотрели, живые они, нет ли. Нам было холодно и страшно.

Женщины устроились в палатках на аэродроме возле Тузлы. По ночам некоторые выходили из палаток, кричали в голос.

Через месяц по местному радио объявили, что в окрестностях Сребреницы американский спутник обнаружил большие участки свежевскопанной земли. Ночью женщины выходили из палаток, выли.

- Может, отец выжил, - сказала дочке Зинета. - Или Кемаль.

Ее мужа и младшего сына Кемалья не было в тот день в Поточарах. Они решили бежать через горы.

Спустя тридцать три дня Зинета увидела седого, худого, сморщенного старичка. Все это время он провел в лесу. Она не сразу признала мужа.

- Мальчики вернулись? - спросил он про сыновей.

В тот июльский день они с младшим сыном Кемалем разделились: отец пошел через горы на северо-запад, а сын - на юг. Может, хоть кто-то из них уцелеет и позаботится о семье. Они поклялись друг другу, что живыми их сербы не возьмут. На крайний случай имелась привязанная к поясу граната.

Муж вернулся, а Кемаль - нет. Не вернулся и старший сын Кирам - он остался в Поточарах. Зинета не отходила от мужа - тот хотел покончить с собой. Приятельницы твердили, что ей и так повезло: у нее есть муж и дочка.

И Кемаль вернулся! Сорок четыре дня он скитался по лесу. Обходил сербские засады. Пришел к родителям целый и почти невредимый.

А Кирам?

Спустя четыре месяца после тех событий Зинета услышала по радио, что в Америке, в Дейтоне, подписаны мирные соглашения. Решено, что центральные и западные земли (включая Сараево) отходят к Боснийско-Хорватской Федерации, а северные, восточные и южные - к Республике Сербской (здесь расположены Братунац, Поточары, Сребреница). Вместе они составляют Боснию и Герцеговину.

- Полстраны отдали четникам, - сказала Зинета мужу. - Щедрая награда за нашу кровь.

Весной следующего года по радио объявили, что в окрестностях Сребреницы работают представители Гаагского трибунала.

Под свежевскопанной землей обнаружены три с половиной тысячи тел. Про остальные несколько тысяч по радио ничего не говорили.

Вот почему Зинета не любит навещать родные края, и Мубина отказывается от прогулки в Сребреницу.

Мубина и Зинета незнакомы. Но скоро они встретятся, и отнюдь не случайно.

Пока что мы направляемся к дому родителей Мубины. Он не разрушен - мы видели, когда въезжали в Братунац.

Родной дом

Дом родителей Мубины небольшой, белый, крытый черепицей. Тут Мубина родилась, отсюда бегала в школу, здесь вышла замуж за ветеринара Хасана. Вот уже несколько минут она стоит перед входом. Смотрит. Сетует, что сад в запустении, радуется хорошей погоде. Пытается скрыть страх перед тем, что ждет ее за оградой. Наконец приоткрывает калитку. Осторожно поднимается по бетонным ступенькам.

На пороге молодая женщина. Она тоже испугана. Ничего удивительного, в Боснии побаиваются нежданных и незнакомых гостей.

До войны новая хозяйка жила неподалеку - в деревне Кравица. Ее дом сожгли мусульмане из Сребреницы.

- Они выбирались из окружения, шли через горы, - объясняет Мубина. - Отбирали у сербов все, что годилось в пищу. В первую очередь муку. Имея мешок муки, семья могла продержаться какое-то время.

- Они и дома жгли, - подчеркивает новая хозяйка. - Сербов убивали.

- Верно, убивали, - Мубина оглядывает комнату.

Рассматривает оставшиеся от родителей вещи. Их немного, только секция мебельной стенки. Видимо, все разграбили еще до появления молодой сербки из Кравицы. До того как в Дейтоне постановили, что после войны в Боснии каждый имеет право вернуться в свой дом. Каждый беженец, каждый изгнанник. Мусульмане (в Дейтонских соглашениях называемые боснийцами), которые скрывались в Боснийско-Хорватской Федерации, теперь могут снова селиться в своих городах и деревнях в Республике Сербской. Мать Мубины, к примеру, могла бы приехать в Братунац и заявить молодой сербке: «Извините, но это мой дом. Вам тут делать нечего». Но не послушайся та, матери Мубины пришлось бы обращаться за помощью к местным сербским властям.

Ни одна мусульманка не делает попыток вернуться на берега Дрины.

Мубина вместе с матерью и детьми живет в Сараево в районе Грбавица, принадлежавшем в период блокады столицы сербам. И квартира Мубины (на восьмом этаже, с прекрасным видом на город) принадлежала раньше сербам. Как, впрочем, и теперь, ведь, согласно Дейтонским соглашениям, каждый имеет право вернуться туда, где жил прежде. Сербь, временно проживающие в Республике Сербской или других районах, могут получить обратно свои дома в Боснийско-Хорватской Федерации, а стало быть, и в Сараево тоже. Но желающих немного. Боснийские власти помогают освобождать дома от нелегальных мусульманских жильцов. Выселенным обычно предоставляется другая пустующая квартира, на которую не сегодня-завтра может также заявить свои права сербский хозяин.

Далеко не всегда сербы возвращаются домой для того, чтобы там жить. Порой они лишь хотят забрать вещи и продать жилье. Купить может кто угодно, были бы деньги.

Молодая сербка могла бы вернуться в сожженную Кравицу. В Боснии действует так называемая программа реконструкции. Деревня или город, заявившие, что примут назад всех своих довоенных жителей, могут рассчитывать на помощь в восстановлении домов. Помощь Запада.

В Братунаце об этом и речи нет. Даже представить себе невозможно, чтобы какая-нибудь мусульманка осмелилась сюда вернуться.

О мусульманских мужчинах вообще никто не вспоминает. Словно их и не было.

Три вопроса не принято задавать сегодня в Боснии: «Как поживает твой муж?», «Как дела у сына?», «Что ты делал во время войны?».

- Это я, - приветствует Мубина своего приятеля Драгана.

- Ты? Здесь? - у того округляются глаза.

Они соседи, знакомы с детства, Драган, серб, был дружкой, свидетелем на свадьбе у мусульманки Мубины. Занимался вместе с ее отцом бизнесом: до войны им принадлежал отдел в универмаге - стройматериалы и сантехника. Отдел теперь Драгану не по карману, так что плитку и краны он продает с близлежащего склада. Там мы его и застали.

- Я. Здесь. - Мубина протягивает ему руку - нерешительно, без улыбки.

Драган приглашает нас зайти, приносит стулья, расставляет их, включает чайник, споласкивает чашки, вынимает блюдца, накрывает на стол. И бежит в магазин. Полагая, видимо, что мы спешим.

Так оно и есть. Ждем пять минут, десять, пятнадцать. Наконец Драган возвращается с шоколадкой «Милки Вэй» и пакетом апельсинового сока «Хэппи Дэй».

- Помнишь, - улыбается он Мубине, - какой наш Братунац всегда был гостеприимный?

- Что у тебя? - спрашивает Мубина.

- Дети растут. Йованка работает. Мало у кого из женщин есть теперь работа.

- Знаю, у меня, например, нет. А бизнес как?

- Товар плохо расходуется.

- В Сараево ванные тоже никто не ремонтирует. Люди бедствуют.

- А как дети?

- Растут.

- А мама?

- Жива.

Драган вскакивает с расстроенным видом. Наше время истекло. Пришли клиенты.

На улице нас пристально разглядывает какой-то мужчина. Собственно, смотрит он на Мубину. Стоит перед овощной лавкой (судя по всему, это хозяин), машет нам рукой.

- Ты выросла, - говорит он Мубине.

- Постарела.

- Я у твоего отца обедал чаще, чем у себя дома, - на всякий случай напоминает он Мубине, вдруг та забыла.

- Я знаю, вы дружили.

- Еще как! Но я, детка, ничего не мог поделать.

- Ничего?

- Стоял вот тут и смотрел, как его уводят.

- Не важно, как это было. А где папино тело?

- Кто знает? - мужчина понижает голос.

- Мы с мамой хотим его похоронить.

- Мне ничего не известно.

- Нет тела - нет траура. И жизни тоже нет.

- Война - это ужасно, - говорит друг отца. - Но закончилось все хорошо. Мы разделились, живем по соседству, но каждый сам по себе. Раз ты приехала, - значит, раны уже затягиваются. Нет, хорошо теперь стало, хорошо. Встретились, выпили вместе кофе, можно даже друг с другом торговать... но вечером каждый вернется к себе.

«Предсмертные данные»

После отъезда жены Хасан еще какое-то время лечил в Братунаце животных. По-прежнему не отказывал в помощи ни днем, ни ночью. Его уважали - работающий, честный, остроумный, жизнелюбивый. Поначалу Хасан оставался в их с Мубиной квартире на втором этаже элегантного дома на центральной улице города - две комнаты и кухня. Они поселились здесь сразу после свадьбы. Мубина собиралась туда зайти: подняться по лестнице, открыть дверь, посидеть в большой комнате, полежать на полу. Но нет, слишком тяжело, она отказывается от своей затеи.

О смерти Хасана Мубина знает мало. Она была бы благодарна за любую информацию.

Говорят, мужа постоянно вызывали в милицию. Он уходил, но каждый раз возвращался. Его снова вызывали. Соседи-сербы забеспокоились. Спрятали его в лесу. Там Хасан провел несколько дней, потом при первой возможности его ночью переправили в Сребреницу. Через день или два всех оставшихся в Братунаце мусульман собрали на школьной спортплощадке.

Это была первая селекция: женщины налево, мужчины направо.

В середине мая 1992 года в местной школе убили почти две тысячи мужчин. За три года до селекции в Поточарах.

Бежавшие в Сребреницу думали, что им повезло.

В Сребренице Хасан поселился у тетки. Там были и другие мужчины - братья отца, братья матери, дальние родственники. За три года блокады Мубина несколько раз разговаривала с мужем по радио. Тот молчал, велел говорить ей. И Мубина послушно рассказывала: вместе с матерью и детьми они бежали из Белграда в Любляну, живут в общежитии, превращенном в лагерь для беженцев, дети растут.

В тот день (11 июля 1995 года) во время селекции в Поточарах ветеринара Хасана никто не видел.

Вероятно, подобно сотням других мусульман, он бежал в лес. Решил идти через гору Булим.

Это все, что знает Мубина.

Сперва она еще надеялась на хорошие новости. Заслышав на лестнице шаги, бежала к двери. И тогда в Любляне, и после войны, перебравшись в Сараево. То и дело выглядывала в окно, высматривала почтальона. Теперь она каждый месяц получает в управе пенсию за убитого мужа - надо же кормить детей. Она официально признала его умершим (так делают все безработные вдовы и матери, иначе не выжить). Мубина заполнила специальные формы: одну на Хасана, другую на отца. Основная информация о без вести пропавших (имя, фамилия, рост, цвет глаз, цвет волос, форма черепа, перенесенные болезни, отсутствующие зубы и переломы костей) на языке специалистов называется предсмертными данными. Предсмертные данные Мубина вложила в конверт, заклеила и отослала в Тузлу.

Не первый месяц она ждет, что ее вызовут сдавать кровь на анализ ДНК.

Матери

Вызова в Тузлу ждет и Зинета М., что уже несколько лет живет в Вогоще под Сараево (беженцы с побережья Дрины поселились также в Илидже, в Ильяше, в Хаджичах). Две комнаты на последнем этаже, которые заняли они с дочкой, младшим сыном и мужем, были полностью разграблены, как и все дома в округе. Во время войны Вогоща находилась на сербской территории. После того как в Дейтоне были подписаны мирные соглашения, сербы постарались забрать с собой все, что можно. Из квартир вынесли краны, унитазы, ванны, раковины, плитку, двери, пороги, окна, карнизы, паркет, провода, розетки. Кроме того, демонтировали на близлежащей фабрике линию «фольксваген-гольфа», который собирали здесь во

времена социалистической Югославии. На другом конце Сараево сняли с олимпийских подъемников моторы, тросы и кресла.

Стены пришлось оставить. Семья Зинеты скромно обустроила квартиру и теперь ждет, что не сегодня-завтра явится хозяин - постучит в дверь и потребует назад свое имущество.

- А мне куда деваться? - спрашивает Зинета. - В Сребреницу? В моем доме живет бывший сосед, серб. Моими ложками суп хлебает, я видела. В нашей постели спит. На том самом вышитом белье, на котором Кирам спал.

Кирам (старший сын М.) так и не вернулся из Поточар.

Муж Зинеты с младшим сыном уцелели только потому, что решили бежать через горы. Побыв немного с родными, юноша уехал на заработки в Голландию. Среди молодежи многие так делают (за последние годы из Боснии в сто разных стран эмигрировало восемьсот тысяч человек). Как правило, на прощание они заявляют: «Сюда я больше не вернусь».

Муж Зинеты - безработный. Обедом он обязан своему убитому сыну (пенсия 345 боснийских марок в месяц). У него натруженные руки, да и сам он крупный, сильный - вполне мог бы работать. Но вот уже несколько лет он целыми днями молча сидит на табуретке у печи. Не пытается чем-нибудь заняться, не принимает никаких решений. Зинета вынуждена одна обо всем заботиться.

Дочка сидит рядом с отцом и тоже не произносит ни слова. Не болтает с соседками, с подружками во дворе, в школе тоже помалкивает. После того июля девочка вообще не слишком разговорчива. Тогда ей было одиннадцать лет, да и сегодня она выглядит на те же одиннадцать. Сидит не шелохнувшись и равнодушно слушает рассказы матери. И соседок.

Вогоща - город женщин. Безработные женщины принимают транквилизаторы. Организуют разные общества. Зинета председатель «Матерей Сребреницы». У «Матерей» есть даже свой Интернет-сайт, создание которого финансировала какая-то западная организация (см. www.srebrenica.org). Раз в месяц общество устраивает демонстрации, на которых женщины спрашивают:

- Где наши сыновья?
- Как вы можете требовать, чтобы мы туда вернулись?
- Что нам делать там - одним?
- Как мы сами обрабатываем землю?
- Кто из сербов даст нам работу?
- Почему вы допускаете, чтобы наших детей учили убийцы?

- За кого нашим дочерям выходить там замуж?

- Мы хотим вернуться домой, - говорят «Матери Сребреницы», - но не так, как постановили в Дейтоне. Наш дом - Босния, а не Республика Сербская. Мы вернемся, когда на берегу Дрины будут стоять наши боснийские войска.

Но основная забота «Матерей» - повседневная жизнь в Вогоще. По утрам они навещают друг друга (и после обеда тоже). Обсуждают будущее: с квартир их наверняка погонят. И прошлое. У соседки из дома напротив, средних лет, был муж, двое братьев и четверо сыновей. К счастью, была еще и дочь. Только она одна у нее и осталась. Дочка умная и начитанная, хочет учиться, но денег на это у матери нет. Без взятки в хороший вуз не поступишь.

У другой соседки было трое сыновей: старшему исполнилось девятнадцать лет, среднему - семнадцать, младшему - пятнадцать. Были еще отец, братья и муж. Дочери ни одной. Теперь она каждое утро жалеет, что родилась на белый свет. Ей сорок.

Соседка с первого этажа родила двух сыновей - и двух сыновей хотела бы похоронить. Это единственная ее мечта. Хорошо бы, они лежали в Поточарах. Но сперва надо найти их тела. И еще останки мужа. В Поточарах должны быть кладбище и памятник. Чтобы никто не забыл о том, что сербы сделали с мусульманами. А тамошние сербы хотят вместо мусульманского кладбища выстроить в Поточарах огромную православную церковь. Вот что говорят соседки.

- Сердца у них нет, - говорит одна.

- Когда я впервые после всего случившегося приехала в Сребреницу, - вступает в разговор другая, - на улице кто-то окликнул меня по имени. Я даже не обернулась. Не могу ни с кем там разговаривать.

- Я подошла к своему дому, - рассказывает мать троих сыновей. - Не слишком близко, зачем мешать людям? Но меня все же заметили в окно. Из моего дома выбежали чужие дети, стали подбирать камни.

- Дверь открыла женщина, одетая в мое платье, - говорит мать, мечтающая похоронить двух сыновей. - Любезно показала мне оба этажа. Она вела себя так, словно водила по квартире будущего покупателя, пожелавшего ознакомиться с планировкой. В комнате младшего сына не менее любезно напомнила мне, кто выиграл эту войну и чья теперь Сребреница. Я столь же любезно поблагодарила и ушла.

Вот и Мубина, жена ветеринара, - то же самое: приехала в Братунац, зашла в дом своих родителей, посмотрела, поговорила, поблагодарила и ушла.

- Жена ветеринара? - отзывается наконец муж Зинеты. - Его Хасан звали?
Жену интересует, как он погиб?

Жара

Мубина не хочет идти в Сребреницу.

Там дома, школа и церковь на холме. Тихо и жарко.

Женщины неухожены, мужчины небриты. Неряшливо одетые люди сидят перед домом и глядят по сторонам.

Они уже заготовили в окрестных лесах дрова на зиму, привезли, порубили, сложили в поленицы. Вот и все дела. Из пятнадцати тысяч жителей Сребреницы только тысяча имеет сегодня работу. Как правило, в Сербии, по соседству. За день тяжелого труда они получают там десять немецких марок. А здесь фабрик нет.

Фабричные корпуса в Поточарах пустуют.

Из пятнадцати тысяч жителей одиннадцать тысяч - приезжие. Из Сараево, из городов Вогоща, Ильяш, Доньи-Вакуф, Бугойн, Гламоч. Поэтому мало кто способен показать, где всего пять лет назад стояла хотя бы одна мечеть. Пять белых мечетей высились когда-то в Сребренице. Ни следа, ни камешка не осталось на их месте.

А эти сидят и смотрят. Не улыбаются. Молчат. Да и о чем им разговаривать?

Можно было бы куда-нибудь сходить, вот хоть поглядеть на рынок. Рынок - два торговых ряда в центре. Здесь продают увядший салат и вялые огурцы.

Никто туда не идет.

На рынке ни души. Тишина.

Неподалеку греются на жарком солнышке собаки - улеглись прямо посреди перекрестка. На мостовой играют без присмотра малыши. Куры выклевают что-то из асфальта. Все чувствуют себя в полной безопасности.

А кому здесь ездить?

На школьной спортплощадке дети постарше гоняют мяч - единственное движение на улицах Сребреницы.

Подростки проводят время в салоне игровых автоматов, но не играют. Не на что купить жетоны.

Некоторые из тех, что сидят и смотрят по сторонам, хотели бы вернуться в свой довоенный дом. В Боснийско-Хорватскую Федерацию. У кого совесть чиста, тот может возвращаться. Так они говорят потихоньку. Но сами остаются здесь.

Виноваты якобы местные сербские политики. Они предостерегают: возвращение -

это, мол, бегство. Хуже того - предательство! И не вздумайте возвращаться! Надо здесь продержаться. Рано или поздно жизнь наладится...

Нарциссы

Скоро Мубина встретится с мужем Зинеты и узнает, как погиб Хасан.

А пока ей предстоит навестить еще один дом в Братунаце. Двухэтажный, из красного кирпича, высоко над городом. Его строил ветеринар Хасан. Когда на свет должен был появиться второй ребенок, муж решил, что в квартире в центре города им станет теперь тесновато.

Он возвел стены, положил крышу. Сделал окна и двери. Полы настелить не успел.

Мубина объяснила сыновьям, что произошло с их отцом. Они должны знать. Но говорит она с ними об этом редко. И обсуждать с овдовевшими приятельницами случившееся при детях тоже остерегается.

- Так что, - считает Мубина, - женщины в Вогоще ведут себя не *fair*¹⁰. Эти постоянные воспоминания о Поточарах в присутствии детей... Взваливают на них бремя, - жалуется она, пока мы идем по направлению к кирпичному дому, - которое им самим не под силу. Детям лучше забыть. Но разве в Вогоще можно о чем-либо забыть? Вогоща - гетто, из которого надо бежать. Только ведь некуда...

Мы стоим перед кирпичным домом. Глухонемая сербка с детьми, муж куда-то ненадолго отлучился. Она очень напугана - толка, пожалуй, не будет. В саду у стены соседнего здания (это руины дома, принадлежавшего родителям Хасана) Мубина рвет нарциссы.

- Я сама их сажала, - объясняет она глухонемой и продолжает срывать цветы. Все до единого.

- Нам сюда путь заказан, - говорит она, когда мы снова оказываемся в центре. - Не затем сербы развязали с нами войну и зачищали поселок за поселком. Тому, кто убил столько отцов, мужей и сыновей, неприятно глядеть на вдов. Они будут напоминать палачу, кто он такой. Вся эта болтовня насчет возвращения - политическая демагогия: смотрите, мол, как замечательно все устроилось! Сербы, мусульмане и хорваты снова живут вместе в полиэтничной Боснии. И наши политики повторяют это в угоду Западу. Сами не понимают, что говорят. Они небось и в Братунаце-то никогда не были.

¹⁰ Порядочно (англ.).

Иногда сыновья задают Мубине конкретные вопросы. Например: сколько времени занимает путь через горы из Сребреницы в Сараево, эти сто пятьдесят километров? Может, папа просто еще не успел прийти - за пять-то лет?

Скоро Мубина обязательно объяснит им, зачем надо ехать в Тузлу и сдавать там кровь на анализ. Наверное, они спросят, что такое ДНК. Что такое хромосомы? Почему у каждого человека половина хромосом от папы, а половина - от мамы? Почему хромосомы так долго сохраняются в костях?

Наверное, сыновья спросят, кто этот человек, который все чаще приходит к ним в гости.

Мубина подумывает о новом замужестве и, в отличие от других жительниц сегодняшней Вогощи, не скрывает этого: женщине тяжело одной отстраивать дом, тяжело поднимать сыновей. Да и в Коране четко сказано: вдова должна выйти замуж.

- Вот только вдова ли я? - Мубина держит в руках охапку нарциссов. Пересчитывает пассажирок. Все уже в автобусе, мы отправляемся в Сараево. - Хорошо, что я решилась. Это надо было увидеть. Теперь все ясно, сомнения исчезли. Это больше не мой Братунац.

Счастье

Муж Зинеты перед домом в Вогоще.

- Тогда, в июле, - принимается он рассказывать Мубине, едва поздоровавшись, - мы все шли через горы.

- Вы через Булим шли?

- Да. Там мы с младшим сыном разделились, чтобы хоть один из нас выжил.

- Правильно.

- Мы поклялись, что живыми нас не возьмут. Знаешь, что сербы делали с нашими?

- Знаю, - говорит Мубина.

- Распинали...

- Я знаю.

- Первый день мы шли спокойно, только медленно. И Хасан тоже. На второй день, где-то на берегу Кравицы, нарвались на сербскую засаду. Ребята запаниковали, стали себя взрывать. Граната в рот, грохот и через секунду – кровавая месиво. Хасан сделал по-другому - приложил гранату к животу. Согнулся вот так - и конец.

Теперь муж Зинеты смотрит себе под ноги.

- А ты? - спрашивает Мубина мгновение спустя. - Ты почему уцелел?

- Не заметили под трупами. Но что это за жизнь? Младший сын уехал за границу, старший...

- Я знаю.

- Не плачь, Мубина. Ты радуйся. Я был бы счастлив знать, что наш Кирам взорвал себя гранатой.

- Да, когда знаешь, лучше. На душе сразу легче.

- Наш Кирам остался в Поточарах. Это все, что я знаю. Он вошел в здание фабрики.

Сон

- Женщина в состоянии жить без мужчины, - говорит Мубина назавтра. - И я так буду.

Иногда во сне ее станет навещать Хасан. Вот как сегодня ночью. Появился на мгновение и тут же ушел. Мубина хотела побежать за ним, но не могла сдвинуться с места.

Вдова

Новое Сербское Сараево и Сербская Илиджа - общины, граничащие со столицей Боснийско-Хорватской Федерации.

Сараево: попрошайки, нищета, безработица, проблемы, как и повсюду в бывшей Югославии. Но есть и улыбки, музыка, кафе (сотни кафе!), шум, толпа на центральной пешеходной улице и деньги. Пестро одетая молодежь в клубах «техно», студенты в аудиториях, ухоженные женщины в магазинах, бизнесмены в хороших автомобилях, иностранцы (более пятнадцати тысяч) на экскурсиях, пенсионеры в скверах, меломаны на концертах. Красивые светлые квартиры, большие супермаркеты, хорошие книжные магазины (дорогие), несколько радиостанций, немецкие и турецкие банки (с банкоматами - новинка!), американские фильмы (самые последние), шотландские напитки, французская косметика, голландский шоколад, китайские безделушки. Аэропорт, движение, воздух. Все это - там.

А здесь (через дорогу, но уже на территории Республики Сербской) - ни кино, ни театра, ни промышленности, ни экспорта. Результат многолетней изоляции от мира и наложенного Западом во время войны эмбарго на торговлю с Сербией. Нет

даже приличного магазина. Есть плохонькие учебные заведения, впрочем, людям все равно нечем платить за обучение. Безработица (уже восемьдесят процентов, среди женщин - почти сто, причем никаких пособий), «серая зона», черный рынок, преступность, коррупция, насилие в семьях (в Сербской Илидже только в последнее время совершено десять убийств среди родственников: детоубийство, мужеубийство, братоубийство, материубийство - все что угодно). Наркотики, водка, депрессия, аборты, разводы, самоубийства (чаще всего пуля в висок), конфликты с ближайшими соседями, агрессия, психические заболевания. Голод, теснота, жизнь в каморках или общежитиях, у детей - анемия, постоянные инфекции, энурез. Беззубые челюсти, дырявые ботинки, лень, немощь, бесконечные претензии. Претензии к мусульманам, Европе, Америке и собственному правительству. Ожидание помощи, которую никто что-то не предлагает. Обо всем этом, хоть и не всегда в открытую, говорит Данило Маркович - руководитель Центра социальной помощи в Сербской Илидже.

- Кто виноват? - спрашивает директор Маркович. - Война. А кто нам ее тут развязал? Это все новый мировой порядок. Сначала Советский Союз развалили, потом нашу армию. Армия старой доброй Югославии занимала четвертое место в мире! Наше оружие конкурировало с мировой военной промышленностью. А нам тут устроили войну. Чтобы мы это свое оружие дома израсходовали и еще закупили. Делают из нас каких-то варваров, а мы самые обыкновенные люди. Мы всего лишь защищали свои дома, женщин и детей. Я знаю, что случилось в Сребренице. Погибли люди. Но в Сараево сербов погибло больше, чем мусульман в Сребренице. Вот что вы должны наконец понять, а не сочинять эту Дейтонскую миротворческую чепуху, придумывать всякие массовые захоронения, трибуналы и прочее.

Большинство местных жителей переехали сюда из Сараево. Это недалеко, всего в нескольких сотнях метров, но они уже считаются беженцами.

Вот, к примеру, Стоянка - тридцати шести лет, двое детей. Мы знакомы не первый день. Они с мужем жили почти в центре - из окон были видны мечети старого города. Она продавщица, он рабочий на фабрике. Блокада застала их в городе (1992). Спустя несколько месяцев семья решила пробираться к своим (хотя многие сербы оставались в Сараево до самого конца - жили и погибали вместе с боснийцами).

И вот мы встретились вновь. Стоянка идет по улице Сараево. Даже в темноте видно, какая она по-прежнему женственная, хрупкая, изящная.

Тут, в центре, она уже не живет, просто зашла ненадолго.

Стоянка овдовела. Когда они выбрались из окружения и попали к своим, мужа немедленно мобилизовали и велели стрелять по городу, из которого он бежал. Его убило осколком. (Сербские мужчины обычно погибали на фронте. Мусульмане - от пули в затылок. А также в нижнюю часть тела. И погибло их в этой войне вдвое больше, чем сербов.)

Как вдова Стоянка ежемесячно получает от Республики Сербской сто боснийских марок в месяц (этого ни на что не хватает).

Дети растут. Живут они теперь в чужом, мусульманском доме. Недавно явился с соответствующими документами хозяин (который в свое время тоже бежал к своим). Хотя дом оказался на территории Республики Сербской, мусульманин хочет сюда вернуться.

Стоянке грозит выселение.

- Они столько наших поубивали! - плачет женщина. - Как после этого жить вместе? Как друг другу в глаза смотреть? Сердце ведь не каменное. И куда мне теперь деваться с детьми? В бараки? К чему вся эта война?

Квартира с видом на мечети не принадлежала Стоянке. Ей потребовать обратно нечего.

Ничего у Стоянки нет. Придется идти в барак. А если нервы сдадут совсем, то в психушку.

Они бежали из города, потому что боялись мусульман. Так ей сегодня кажется.

Память подводит Стоянку: боялась она холода, голода и сербских снайперов. Вот на этом месте, где мы сейчас находимся, в то время стоять было нельзя. Пуля попала бы прямо в голову.

Три года сербы удерживали блокаду города, бездействовал водопровод, не было газа, электричества. Стреляли прицельно - в лоб или «оптом» - по очереди за водой или за хлебом.

Теперь, конечно, трудно приехать сюда как ни в чем не бывало. Зайти в кафе, где сидят родственники жертв. Люди, которых ты по-прежнему ненавидишь. От которых ты бежал. Спокойно посмотреть им в глаза. Выпить вместе кофе, улыбнуться. Обсудить реальные факты. Разобраться в том, что же произошло на самом деле. Предать преступников суду.

Сербские мужчины, живущие в окрестностях Сараево, в город, как правило, не ездят.

Они берут стулья и ставят их у разбитой дороги в Республике Сербской. Садятся, складывают руки на коленях и смотрят.

Редкие сербы (но чаще все же сербки) появляются в городе под покровом тьмы.

- Иные сербские вдовы, - директор Центра социальной помощи понижает голос, - подрабатывают вечерами на сараевских улицах. Надо на что-то кормить детей. Нам очень жаль, но Республика Сербская помочь им не в состоянии.

Пригороды

Теперь мы в Соколаце (Республика Сербская, пятьдесят километров на восток от Сараево, по направлению к Сребренице).

Южное солнце жарит, в тени под деревьями лежат люди - по одному, по двое, группами. Их почти не видно в высокой желтой траве. Лежат неподвижно, обычно на животе, лицом к земле - видимо, так им удобнее. И молчат.

Молчат и те, что устроились на скамейках: плохо одетые, с жирными волосами, беззубые, в дырявых ботинках или босиком. Они сидят вплотную друг к другу, рядами, словно в кинозале. Сложили руки на коленях и, застыв в одной позе, вот уже несколько часов смотрят перед собой.

Деревья, аллейки и несколько каменных зданий (внутри воняет мочой). Дыра в заборе с одной стороны парка, распахнутые ворота - с другой.

За воротами открывается красивый вид: пологие холмы, простор. Это пригороды Соколаца.

За дырой в заборе - серые бараки. Десяток с небольшим деревянных параллелепипедов. Судя по болтающемуся на веревке белью, кто-то здесь обитает. Но никого не видно. Можно пойти туда, заглянуть внутрь.

Никому это не интересно.

Они сидят и смотрят: каждый крутит свой собственный фильм.

Кто-то все же подает голос - кричит, вернее, воет.

Кто-то смеется. А кто-то рассматривает себя в зеркальце.

Этот лупит себя кулаками по голове.

Тот плачет.

Или, вытаращив глаза, показывает язык.

Один мочится в траву.

Другой - в штаны, под ним образуется лужа.

Третий онанирует.

Со скамейки поднимается женщина лет сорока с небольшим. Бежит к нам, хватая за рукав, выпрашивает динар (динары отменили много лет назад). Говорит, что голодна. За ней подбегают мужчины. Как выясняется, тоже голодные. Подходит старушка.

Их никто не навещает. С ними никто не разговаривает. У них никого нет.

Иногда только появится человек в белом халате, даст таблетку. Прикрикнет. А то и толкнет. И уйдет. Психушка есть психушка.

Солнце уже клонится к закату. Холодает. Из серых деревянных бараков, что стоят за забором, выходят люди.

Повара

Обитательницы серых бараков - мы наблюдаем за ними через дыру в ограде - сварили послеобеденный кофе. Подали мужчинам.

Те уселись на завалинках у деревянных стен. Выпьют кофе, станут пить ракию (вероятно, домашнюю - водку здесь покупают редко).

Дети гоняют мяч, играют в баскетбол, дерутся.

Женщины развешивают белье или кормят свиней (здесь есть несколько хлебов). Или едят. Но большей частью сидят без дела.

Как только мы пролезаем через дыру в заборе (хотим расспросить, кто эти люди), происходит странная вещь: мужчины смотрят на нас, затем переглядываются и встают. Теперь видно, как они одеты: залатанные штаны, вытянутые футболки, стоптанные ботинки. Замешательство. Те, что пили кофе на пороге, медленно поднимаются и не спеша уходят в дом. Остальных отделяет от спасительной двери пара десятков метров, так что этим скрыть панику труднее - они бросаются наутек, словно потревоженная стайка диких зверей. Теряют на ходу ботинки. В воздухе еще висит облачко дыма от их сигарет. Тлеют окурки, которые они не успели растоптать. Слышно, как щелкают замки.

Что их так напугало? Оказывается, наш фотоаппарат. Мужчины в Республике Сербской предпочитают не фотографироваться, прячут лица. При виде чужака они бесследно исчезают. Правда, чтобы убедиться в этом, необязательно ехать так далеко, аж в пригороды Соколаца, достаточно включить телеканал Республики Сербской, который ловится и в Сараево. Журналисты иногда бывают в сербских деревнях и городах - смотрят, как живут люди. На экране - неизменно причитающие женщины. Мужчин - ни одного. Опасаются, как бы кто-нибудь из уцелевших жертв не опознал их и не донес прокурорам Международного трибунала: вот, мол, тот

человек, который играл в футбол мусульманскими черепами, или тот, что заставлял одних мусульманских мужчин отгрызать яйца другим.

Они панически боятся, что их опознают мусульманские женщины. Уж мусульманкам-то как никому другому памятливы лица, запах и сила сербских мужчин.

Каждому в Боснии известно: Международный гаагский трибунал располагает двумя списками разыскиваемых преступников - официальным и негласным.

В официальном списке - Радован Караджич (во время войны в Боснии лидер здешних сербов), Ратко Младич (командующий армией) и Слободан Милошевич (вождь Югославии, низвергнутый, арестованный и доставленный в Гаагу: он будет отвечать не только за преступления в Боснии, но и за то, что происходило в Хорватии и Косове).

В негласном списке - если, конечно, такой на самом деле существует - множество сербских мужчин (а также, безусловно, хорваты и незначительное количество мусульман). Говорят, там не одна тысяча имен. Возможно. Убить несколько десятков тысяч человек - нелегкий труд.

Те мужчины в Республике Сербской, с которыми удастся поговорить, утверждают, что во время войны они были поварами. И те, что пришли им на помощь из Сербии, тоже всего лишь варили похлебку. Все без конца это повторяют, даже между собой, - видимо, уже сами поверили в свою сказку.

И тем не менее они прячутся. Окна серых барачных приоткрываются, занавески колышутся.

Женщины предлагают нам кофе. Мы присаживаемся на завалинку.

Это сербские беженцы: из Сараево, из Хаджичей, из Райловаца. Там теперь живут мусульмане. Согласно Дейтонским мирным соглашениям, эти города вошли в Федерацию.

Напомним: Боснийско-Хорватская Федерация и Республика Сербская - это две части сегодняшней Боснии и Герцеговины. Здесь две полиции, две армии, по два министерства здравоохранения, образования, финансов. Три группы населения: сербы, мусульмане (боснийцы) и хорваты. Представитель ООН в Боснии и Герцеговине пытается держать руку на пульсе. За порядок отвечают многонациональные Stability Forces (СФОР)¹¹.

В Боснии и Герцеговине обязательно надо следить за порядком.

Женщины сидят перед бараками и жалуются: работы нет, денег нет, еды нет.

¹¹ Международные силы по стабилизации в Боснии и Герцеговине (англ.).

У них высокое давление, ишемическая болезнь, диабет, высокий уровень холестерина, опухшие ноги, ночные кошмары и нервы ни к черту. Каждый прокручивает в голове свой собственный фильм. Кто-то кричит, кто-то воет. Кто-то смеется. Рвет на себе волосы. Плачет. Какой уж тут покой, если вокруг постоянно скандалят, машут кулаками, хватаются за нож. Резаные раны, колотые раны. Не раз и не два мужики устраивали поножовщину. Избивали старух. «Скорая», полиция. Всею виной жизнь в тесноте (внутри нас не пускают), в одной комнате с посторонними. Сосед не туда поставил ботинки, не так открыл окно, слишком громко чихнул - и уже потасовка.

«Зачем было воевать? - спрашивают женщины. - Чего ради погибали наши сыновья?»

И сами же отвечают: напрасно они погибали - ради страха, скитаний и крови, ради жизни в бараках.

А ведь до войны у каждого был свой дом, и в каждом доме - полный холодильник.

Теперь в кастрюлях пусто. Наши дети гибли за пустые кастрюли.

«Милошевич, - твердят они, - нас предал. Подписал в Америке, в Дейтоне согласие на Сербскую Республику в Боснии. Народу он другое обещал. Наше место в Сербии, рядом с нашими сербскими братьями. За это мы сражались, за это боролся наш Караджич. А теперь ему приходится скрываться».

Женщины заламывают руки: нас, мол, снова вынуждают жить с мусульманами (Дейтонские мирные соглашения гласят, что каждый имеет право вернуться туда, где жил до войны: сербы - в Федерацию, мусульмане - в Республику Сербскую. Этнически чистых территорий, как того требовали сербы, не будет.) Как это так?!

Старухи просят принести «вольтарен» (мазать больные суставы), очки, чего-нибудь сладенького.

И еще: немного поболтать с ними, потому что их никто никогда не навещает. Им так одиноко.

Гараж

В предместьях Соколаца заходит солнце. Сербские женщины по-прежнему сидят перед серыми бараками.

Есть тут и один мужчина - Миша. Он только что появился - выскочил, словно чертик из коробочки, и даже не думает прятаться. Выпиваем по рюмке ракии.

Миша рассказывает нам, кого не любит, хотя мы про это и не спрашиваем: мусульман, это само собой разумеется; англичан, потому что гордые; американцев, потому что ненавидят сербов; поляков, потому что вступили в НАТО; русских, потому что вечно сербов предавали.

Миша из Горажде. Он вдовец. Жена ехала в автобусе, который попал под минометный обстрел.

Мы знаем, о чем он говорит: в осажденном сербами городе мусульмане держали сербских заложников. Спустя некоторое время им разрешили вернуться к своим.

Женщины и дети сели в автобусы.

До сербских позиций они добраться не успели - колонну атаковали мусульмане. Погибло то ли сто, то ли двести человек (точные данные отсутствуют). В том числе и Мишина жена.

Детей у них не было.

Мише сорок лет, в Горажде у него дом, на который он не может заявить свои права. Горажде теперь мусульманское. Но Мише нельзя ехать в Федерацию, в мусульманскую администрацию. Увидят бывшие соседи, примутся сводить счеты. Лучше уж сидеть здесь.

Работы нет (он автомеханик), да Миша ее больше и не ищет. На вопрос, как он зарабатывает на хлеб, молча улыбается. Секрет.

Из барака он ушел. Невозможно было спать в душной комнате под старческий храп соседей. Миша поставил себе гараж - глухой, без окон. Оклеил изнутри фотографиями голых баб. Здесь он и ночует.

Миша ищет себе новую жену, но знает, что ни одна не соблазнится темным гаражом.

Ни одна из тех, что сидят перед бараками и смотрят по сторонам. Им по двадцать лет, лица грустные. Спрашивают нас, верим ли мы в Христа.

Ладно, раз христиане, тогда давайте поговорим.

Они уже много лет нигде не были. Не видели ни моря, ни большого города, ни других людей. Им любопытно, как выглядит Сараево (до него пятьдесят километров). Они бы охотно туда съездили, но боятся провокаций на улице, насилия, оскорблений. Кто-то им сказал, что так там теперь принимают сербских женщин.

Мы приглашаем их на экскурсию в Сараево.

Посидим в кафе на Ферхадии (это главная пешеходная улица города). Закажем мороженого, кока-колы - никаких эксцессов не будет! Пусть сербские девушки из-под Соколаца перестанут плохо думать о Сараево.

Нет, им не хочется, они не поедут.

- Нам даже смотреть на мусульман неприятно. Они сербов убивали, крова нас лишили. Теперь мы бездомные. Соколац ведь не дом. Это бараки, бардак, мертвая земля. Отсюда нужно бежать, говорят девушки.

Они хотят уехать куда-нибудь за границу (более шестидесяти процентов здешней молодежи мечтает эмигрировать): в Австралию, Новую Зеландию, Америку. Вот бы где замуж выйти. А здесь - нет. Да и за кого? За Мишу?

Только одна Света считает иначе: она хочет остаться в Республике, таков долг сербки. Выйти замуж, родить здесь ребенка. Лучше сына, нации нужны сыновья. В жизни существуют не только деньги. Пусть бедно, но дома, среди своих. А может, удастся когда-нибудь объединить Республику Сербскую с Сербией. И все здесь наладится.

Свету не интересно, как там, в Новой Зеландии. Она не может себе представить, чтобы люди вокруг говорили на другом языке.

Возможно, она выйдет и за Мишу, хотя он вдвое ее старше. Миша Свете нравится: красивый, мало пьет. Вот если бы у него еще дом был...

А Миша знает рецепт дома и семейного счастья. Война. Только война способна что-то изменить.

Другого пути он для себя не видит. А сейчас Миша, по своему обыкновению, отправляется на вечернюю прогулку. Вылезает он через дыру в заборе.

Скалы

У извилистой дороги из Мостара в никуда, среди голых скал Герцеговины стоит городок Невесине. В самом его центре - контора председателя общины господина Бошко Бухи - высокого, худого, загорелого.

- Добро пожаловать! Взгляните, как красива наша сербская земля.

Район, которым руководит председатель Буха, люди называют слепой кишкой: выжженные солнцем поля, пустые дороги, ленивая неподвижность, зной не отступает даже вечером. Камни, скалы, утесы. Голо, сурово.

Раньше, когда председатель Буха жил еще не здесь, а совсем в другом месте (то есть до 1992 года), местные сербы (составлявшие большинство населения Невесине), мусульмане и горсточка хорватов производили автозапчасти, пижамы,

мебель и отличные продукты питания. Земля здесь была в основном государственной, но кое у кого имелся собственный клочок поля. Урожай возили в Мостар на ярмарку. Там же делали покупки. Дети учились в мостарских школах. Автобус в Мостар ходил через каждые сорок минут. А теперь нет никакого автобуса.

Когда-то здесь проживало четырнадцать тысяч человек. Сейчас - двадцать тысяч. Всего полторы тысячи из них имеют работу, три с половиной - безработные.

Остальные - дети, которых надо кормить, и пенсионеры. Пенсии (если Республика Сербская не задерживает выплату) хватает на несколько дней. Как старики выкручиваются до конца месяца, неизвестно. Председатель Буха не знает, вернее предпочитает не знать.

Зато мы знаем: пенсионеры сидят. Складывают утром руки на коленях и неподвижно, глядя прямо перед собой, сидят до сумерек. А то и до самого вечера. Энергии расходуется немного - и есть можно немного.

Половина населения Невесине - приезжие, в том числе председатель.

Эти люди прибыли в Невесине весной 1992 года (когда началась война в Боснии). Они бежали из своих деревень и поселков, поскольку сербские власти пугали: мусульмане (или хорваты), мол, подожгут ваши дома, станут резать детей.

Им удалось добраться до Невесине. Дети выросли. И все по-прежнему живут здесь.

Вот, например, во втором доме, если считать от здания администрации: одни женщины (во всяком случае, больше мы там никого не видели). Дом просторный, двухэтажный, с наружной лестницей. В каждой комнате - по семье. Три-четыре человека на десять квадратных метров: два раскладных диванчика, маленький столик, несколько кастрюль, портрет Караджича.

Они жалуются. Воду отключили. Обычное дело, ее через день отключают.

Дети заканчивают начальную школу. На какие деньги учить их дальше? Да и где?

Женщины рассказывают, что дом этот раньше принадлежал мусульманину Хусо и его жене Сабире. Супруги перебрались в Сараево. Четыре года тому назад сюда ненадолго приезжала их дочка - попросила альбом с семейными фотографиями.

- Той весной, - говорит председатель Буха, - здешние мусульмане уехали в Мостар, Коньиц, Сараево, Нью-Йорк, Сидней. Поближе к своим. А уж шуму подняли - на весь мир, сербы, мол, звери, мусульман убивают...

Это происходило летом, а не весной. И председатель, и нынешние жильцы дома Хусо и Сабиры уже находились в Невесине. А следовательно, не могут не знать, как обстояло дело.

Хусо - торговец на пенсии (восемидесятилетний). Сабиря - служащая на пенсии (семидесятилетняя). Они честно работали, построили дом, выучили детей, спокойно старились. Вплоть до того июля (1992). Собственно, даже июня, потому что первые мусульмане в Невесине были убиты 10 июня. Сначала убивали тех, кто побогаче, а потом всех подряд. Старик Хусо наверняка прекрасно об этом знал, когда в первых числах июля разговаривал по телефону с сыном - тот жил в Сараево. Просто не хотел расстраивать. Вот и уверял, будто все в порядке.

Какой уж тут порядок... Через несколько дней соседи-сербы (дом рядом со зданием администрации) решили освободить место для своих беженцев (тех самых нынешних жильцов). И вывели Хусо с Сабирой за черту города...

Их тела были эксгумированы в 1997 году (вместе с телами родственников - двух дядьев с женами и сыновьями). У Сабиры в одежду оказались защиты деньги, часы и золото. Идентифицировали останки без затруднений. Состоялись похороны. Тут, по соседству, на мусульманской стороне. Вот тогда дочка Хусо и зашла на минутку в Невесине, попросила альбом с семейными фотографиями.

Жильцы улыбнулись и отдали альбом. Дочь взглянула на отцовский дом и уехала.

Горы Герцеговины

Июль. Каждый день в восемь утра в кафе «Биг Бен», что в восточной части Мостара, собираются одни и те же люди. Солнце жарит всюю. Небольшая площадь, на которой расставлены металлические столики, пока еще ловко прячется от зноя за высокими стенами соседних зданий. Посетители улыбаются, разговаривают, читают газеты, кто-то звонит по телефону. Они явно хорошо знакомы. Всем им лет по сорок, редко кто старше или моложе. Ждут опаздывающих. То и дело подходят еще люди, здороваются, заказывают кофе.

Вот доктор Эва Клоновски: в тяжелых ботинках, джинсовых бриджах, легкой рубашке и соломенной шляпе.

А вот Ясна Плоскич (тридцати девяти лет). Сейчас она сидит с Саней Муляч за высоким столиком. Саня - председатель мостарского отдела Боснийской комиссии по делам без вести пропавших. Ясна - ее заместитель. Женщины, вероятно, обсуждают, куда мы сейчас поедем и на что можем рассчитывать.

Наш путь лежит в горы Герцеговины - на юго-восток от Мостара, в Республику Сербскую. Саня уже подает знак «едем!», хотя сараевских спелеологов, которых мы так долго ждали, все еще нет. И не будет: кто-то неправильно договорился, не так понял, перепутал дату или вовремя не подписал нужные бумаги. Ничего удивительного, в Боснии все это обычное дело.

Пора ехать.

По дороге, в какой-то сербской деревеньке к нам присоединяются солдаты СФОР, испанцы, - в качестве охраны, на всякий случай. Теперь сворачиваем с главного шоссе налево, на белую гравийную дорогу. По крутому серпантину поднимаемся в гору, десять с чем-то километров.

Гора большая, лысоватая. Выжженная земля, крупные серые камни, пекло.

Наконец на плоской полонине мы видим первые деревья. Чье-то хозяйство. Кто-то здесь обитает, хотя поверить в это трудно.

На дорогу выходит старуха, смотрит, заслонив глаза от солнца.

Наверное, удивляется, увидав на этой своей пустоши колонну - джипы, грузовики.

Быть может, девять лет тому назад она тоже удивлялась.

Они ведь шли тем же путем, другого нет.

Днем ли они ехали, как мы, или же предпочли укрыться под покровом ночи?

Минуем оwin, двигаемся дальше, к лесу, к тени.

Соседи

Прежде чем все это произошло (1992), Ясна закончила юридический факультет, вышла замуж за Хасана (его звали так же, как и мужа Мубины, той, что рвала нарциссы), родила сына (1987), отпраздновала тридцатилетие, родила дочь (1991). Хасан, экономист по образованию, слыл человеком удачливым - хорошая зарплата, красивый дом.

Его жене не пришлось работать. Так лучше для детей, считали супруги. Малыши постоянно нуждаются в матери.

Ясна забеспокоилась за год, может за полгода до войны: на улицах Мостара сербские резервисты стреляли в воздух, цеплялись к прохожим, оскорбляли женщин.

Дом семьи Плоскич - собственность свекрови Ясны - стоял на Шеховине. Этот район Мостара был населен, главным образом, сербами, приехавшими из близлежащего Невесине (мусульманин Хасан тоже оттуда).

Весной соседи-сербы постучали к Ясне и попросили одолжить дорожные сумки.

Они бежали в Невесине после того, как в казармах на северной окраине города взорвалась цистерна с топливом.

Это было 4 апреля: страх, хаос, паника. Начало войны.

Ясна дала соседям чемоданы.

- Никогда им не прощу, - говорит она сегодня. - Ведь могли же предупредить: «Ясна, не ездь в Невесине. Ничем хорошим это не кончится».

Город занимали сербские войска. Хасан, Ясна, маленький Амар и маленькая Айла, брат Хасана, его жена и трое их детей - все сели в машину и поехали к тетке, что жила неподалеку.

А там мусульманки и хорватки как раз готовились к отъезду. Они хотели вывезти детей за границу, в хорватские лагеря для беженцев.

Мужчин, способных держать в руках оружие, из страны не выпускали.

Ясна тоже решила ехать.

Но ее вдруг охватило предчувствие, что они с Хасаном больше не увидятся.

- Я останусь, - сказала она мужу.

Тот уступил.

- Людям уже хочется забыть случившееся, - говорит Ясна. - А я, если забуду, сойду с ума.

Сегодня в герцеговинско-неретвянском кантоне ведутся поиски примерно полутора тысяч человек, пропавших в то время. Из них пятьдесят хорватов, сербов еще меньше.

Ясна с мужем решили ехать дальше - под Невесине. Там им показалось безопаснее: все друг друга знают, соседи...

Они отправились в деревню Пресека к свекрови. По полям, через лес, через горы, километров сорок. Все вместе: две семейные пары и пятеро детей.

Их остановили сербские солдаты, проверили документы. Они были вежливы, разрешили ехать дальше.

В Пресеке люди жили по-прежнему: просыпались, умывались, молились. Женщины поили скотину, выводили на пастбища. Занимались уборкой, готовили еду. Мужчины ремонтировали технику к жатве (здесь выращивают рожь и пшеницу), сетовали на засуху, посиживали в кафе за чашечкой кофе. Были в Пресеке и кафе, и продовольственный магазин, и школа, и тридцать с чем-то каменных двухэтажных домов.

Все здесь из камня, редкие деревья можно встретить лишь возле домов: слива, груша, орех. Но они небольшие, от солнца не спасают. Так что днем все сидели по домам. Стены давали прохладу, а снаружи жарило, как на сковородке.

Но вечером зной отступал (разница между дневной и ночной температурой достигает тут порой тридцати градусов). Дети играли во дворах, шумели, матери звали их домой, купали и укладывали спать. Потом еще усаживались на пороге поболтать с соседками. Планировали дела на завтра: стирка, починка белья, прополка грядок, поливка.

И Ясна так жила целый месяц. А потом жители Пресеки услышали грохот. Точнее, даже гул, однообразный, глухой, но отчетливый. Он несся по долине из Невесине, что в двенадцати километрах от деревни. Долина (скорее, равнина) - широкий коридор, образованный мощными горными массивами Вележ и Црвань. Плоский, словно стол: редкая травка, камни. Поэтому, несмотря на расстояние, слышимость здесь хорошая.

Это был гул минометного обстрела. Жители Пресеки не знали, что происходит в городке, пока не появились первые беженцы.

- Убивают, - твердили они.

Первые мусульмане были убиты в Невесине 10 июня 1992 года. Сначала убивали тех, кто побогаче, а потом всех подряд.

Волки

22 июня в четыре утра на Пресеку упали сербские мины.

Погибла одна женщина (кто сегодня вспомнит ее фамилию?).

Дома горели. Жара усиливалась. Люди хватали одежду, еду, детей.

В отчаянии они двинулись к горе Црвань.

Укрылись в лесу. Дальше идти было нельзя: впереди огромное открытое пространство.

Опустилась ночь. Через сожженную Пресеку они направились к деревне Ключа.

Встретили мусульман из Ключы и других окрестных селений. Среди них были и жители Мостара, которых сербы взяли в плен, но почему-то отпустили.

В деревне Ключа пришлось оставить семнадцать стариков. Тех, кто не мог идти через горы. Ясна помнит, как один мужчина расставался с матерью. Он не мог ее нести. Оставил старухе поесть. У него были жена, дети, выбирать не приходилось.

Но еды брошенным старикам понадобилось немного.

Их зарезали. А тела растерзали волки - растащили кости по всей округе.

Клетка

Дети, женщины, мужчины шли куда глаза глядят, наугад. Среди них оказались лесники, работавшие в этих местах, они уверяли, что хорошо ориентируются. Обещали вывести к Мостару. Там уже стало поспокойнее, сербы по соглашению с хорватами покидали город. К тому времени они успели убить около сотни человек, тела бросили на свалку (так погибли двоюродные брат и сестра Ясны).

Шли на гору Вележ. Дождь, град. Ночью - холод, днем - жара. Идти было тяжело. Ясна несла на руках дочку. Хасан - сына.

Айле исполнилось девять месяцев.

Амару - четыре года.

На четвертый день взорвалась мина. Прямо рядом с беженцами. Видимо, случайная - здесь тогда велись беспорядочные бои между сербами и хорватами. Крик, хаос, паника. Взрыв разделил людей на две группы. Ясна, ее муж Хасан, его брат с женой и все дети оказались в меньшей. Свекровь - в большей. Большой группе и повезло больше. А лесники, знакомые со здешними лесами, куда-то подевались.

Они шли - Ясна, ее муж, их дети, брат мужа, его жена, их дети. Четыре дня несколько десятков человек кружили по лесу, словно звери в клетке. Их мучили жажда, голод.

Семеро сербских солдат, вооруженных до зубов, подошли сзади (было 26 июня). Женщины прижали к себе детей, мужчины побросали в кусты пистолеты. Солдаты не ругались, не оскорбляли их. Не бойтесь, твердили они. И велели идти на полонину Вележ.

Там были деревни. На тот момент уже чисто сербские.

Деревенская школа. Во дворе сербы умело организовали селекцию мусульман: женщин и детей - на одну сторону дороги, мужчин - на другую.

Сербки кричали, стараясь вложить в голос побольше презрения:

- Б...и! Мать вашу е...!

Мусульманки опустили головы.

А Ясна все глядела на ту сторону дороги. Она видела, как уводят куда-то Хасана.

Вернулся он через час. Посмотрел на жену и покачал головой - ничем, мол, хорошим это не кончится.

- Что нам с этими мужиками делать? - спросил один из сербов.

- Подождем коменданта, - ответил другой.

Ясна полагает, что он имел в виду Здравко Кандича. Тот приехал несколько часов спустя, около пяти вечера. Ясна услышала его приказ:

- На грузовики - и в Брезу!

Тогда она не знала, что такое Бреза. Сегодня знает.

Красные галошки

Мы в лесу. Здесь много пещер - зияющих в земле отверстий. В том числе Гайова Яма - место, указанное свидетелем. Он с нами не поехал, свидетели вообще очень осторожны. С этим человеком разговаривали Саня Муляч и Ясна.

Он сказал:

- Ищите в Гайовой Яме.

В Гайовой Яме (а точнее, над ней) рабочие срезают кусты, затем, пару раз взмахнув лопатой, открывают огромную пещеру. Не видно, насколько там глубоко. Впрочем, никто особенно и не вглядывается, все попрятались чуть поодаль под деревом, в тени. Там доктор Эва Клоновски надевает белый пластиковый комбинезон и обвязывает вокруг пояса буксирный трос. Нет спелеологов - обойдемся без них. К этому тросу мы прикрепляем еще несколько и один конец связки перебрасываем через ствол ближайшего толстого дерева.

Эва натягивает резиновые перчатки, берет фонарик, отправляется в пещеру. Пещера неправильной формы. Дна не видно, и Эвы тоже. Но она то и дело дергает трос, просит немного отпустить, видимо, хочет спуститься пониже. Ее нет пять минут, десять, двадцать.

- Пусто, - Эва, наконец, высовывает голову из-под земли и смахивает с волос червяков.

- Как это?! - нервничает Ясна. - Как это пусто?

Она так надеялась: вдруг именно сегодня обнаружатся наконец красные галошки?

Подвал

Наступила ночь. Женщинам и детям велели сесть в автобусы, которые еще недавно возили в лес дровосеков.

Колонна тронулась. Высадили людей на окраине Невесине. Загнали в подвал городской котельной.

Заперли.

Женщины уложили детей на бетон.

Те плакали. Ни еды, ни воды, ни туалета. Духота (всего одно маленькое зарешеченное окошко).

Когда рассвело, через это окошко в подвал заглянул сербский мальчик. Лет семи-восьми. Ясна попросила принести детям попить. Мальчик исчез, Ясна надеялась, что он вернется. Так и вышло.

- Еб...й Алия! - ребенок открыл бутылку и вылил воду на глазах у изнывавших от жажды людей. Мусульманин Алия Изетбегович был тогда президентом Боснии. - Что ж он вас не напоит?!

Ясна попросила сына пописать в какую-нибудь крышечку.

- Она так жадно пила, словно это был сок, - рассказывает Ясна про дочку.

Второй день, третий. В туалете необходимость отпала, детям просто нечем было писать.

На четвертую ночь часов в одиннадцать кто-то начал с бранью ломиться в подвал. Несколько человек. За неимением ключей дверь высадили.

Их оказалось пятеро, у двоих лица закрыты чулком.

Ясна держала Айлу на руках. И Амар стоял рядом с мамой.

В темноте мужчины фонариками ощупывали лица женщин. Одну красивую девушку спас ее семидневный сынок.

- Эта только что родила, - сказали мужчины. - От нее толку не будет.

Женщины поняли, что их ждет. Подняли крик.

Отобрали сперва трех: Фадилю и двух красавиц сестер.

Потом еще Мерсаду, мать двоих детей. И Ясну.

Ясна вырывалась, ее схватили за волосы, стали бить.

- Не пойдешь? - они вынули ножи. - Тогда мы у тебя на глазах твоего ребенка нарежем.

И Ясна пошла.

В подвале осталось три десятка женщин и двадцать детей. Среди них Айла и Амар.

Жизнь понарошку

Август. Ясна ждет нас в кафе «Биг Бен».

У нее лицо зрелой женщины, спокойные темные глаза (слегка подведенные), накрашенные губы (иногда она чуть-чуть улыбается), рыжие волосы уложены, на шее золотая цепочка, топик, зеленые армейские штаны с накладными карманами, легкие бежевые туфли. Красивая, гордая. Такой она хочет быть.

- Такой меня любил муж.

Вместе с ней мы едем в сторону Невесине (Республика Сербская Боснии и Герцеговины).

Ясна (теперь на ней темные очки) села впереди.

- Здесь я родилась и здесь умерла.

Она приоткрывает окно, ветер треплет волосы.

- Теперешняя жизнь - это так, понарошку.

Мы проезжаем городок: люди гуляют, сидят в кафе, пьют кофе.

- В каждом из них мне видится убийца.

Мотель на озере

Пять самых красивых женщин увезли на озеро Борачко (там располагались мотель, кемпинг, бывший дом отдыха), где стояли «Белые орлы» - сербская военизированная организация. Были там и сербские солдаты из Баня-Луки, Книна. В красных беретках. Все пили.

Петар Дивьякович по прозвищу Дивьяк... Ясна утверждает, что он отличался особой жестокостью. Теперь Дивьякович живет в Нови Саде (Сербия), счастливый семьянин.

Женщин разделили. Ясну увели в мотель. По дороге она сняла с рук золото, спрятала в карман - инстинктивно, не задумываясь. Ее втолкнули в крохотную каморку, два на два метра. Там был мужчина, лица Ясна не запомнила.

Зато запомнила огромный нож у него за поясом.

Он сидел на стуле, ей велел сесть напротив.

- Откуда ты? Замужем? Сколько у тебя детей?

Она ответила.

- Муж мусульманин?

Она ответила. И добавила, что ей все равно, серб или мусульманин. Не по национальности и не по вероисповеданию нужно оценивать людей.

- Балинка! Если тебе все равно, чего ж ты за серба не вышла, пусть бы он тебя трахал.

«Балинка» - так в Боснии называют мусульманок, презрительно, желая оскорбить.

Ясна соврала: якобы за ней ухаживал сербский парень еще в лицее. Только жениться не захотел.

- Имя? - тут же спросил мужчина.

И все сверлил ее глазами. Ясна боялась отвести взгляд, казалось, тогда он немедленно ее зарежет.

Женщина смотрела ему прямо в глаза.

- Горан, - вспомнила Ясна имя одноклассника, с которым они вместе сидели за первой партой. И фамилию назвала.

- Когда у вас женятся, много золота дают? Где у тебя золото?

Ясна подумала: если признается, что спрятала, он ее убьет.

- Осталось в Мостаре.

- Вот я сейчас обыщу твои карманы, - мужчина понизил голос и достал из-за пояса нож. - Если что-нибудь найду, сам Господь тебе не поможет.

Ясна поняла, что ей конец.

И только просила Аллаха послать смерть от пули, не от ножа.

Мужчина встал, подошел, коснулся Ясны, сел на место.

- Я тебе верю.

Вошли еще сербы. Трое или четверо.

Среди них был Петар Дивьякович, тот, что живет сегодня в Нови Саде, счастливый семьянин.

Стали насиловать.

Незаданные вопросы

«Стали насиловать» - вот и все, что говорит Ясна. Но она хоть произносит эти слова вслух. В Боснии, пожалуй, одна Ясна Плоскич публично признается, что оказалась жертвой этнического насилия: сербы насильствовали ее потому, что она мусульманка.

Другие изнасилованные женщины молчат, считая себя опозоренными. Свое грехопадение они скрывают даже от мужей (если те выжили).

Но есть и такие женщины, которые - анонимно - во всех подробностях описывают случившееся. Свидетельства необходимы для международных институтов правосудия. Некоторые детали повторяются из рассказа в рассказ:

группа мужчин, темное помещение, удары по лицу, бетонный пол, разрезанная ножом одежда...

Мы никаких вопросов Ясне не задаем. Мы ведь не трибунал.

Имя и фамилия

- В каждом из них мне видится убийца, - повторяет Ясна. - Но дома, в Мостаре, когда я на них не смотрю, то думаю иначе: не все же убивали, у всякого преступления есть имя и фамилия.

Преступление в Невесине - убийство полутора тысяч гражданских лиц.

Новица Гусич - комендант сербской армии в Герцеговине. Недавно ему позвонила журналистка сараевского «Освобождения» Эдина Каменица. Позвонила в Белград, куда Гусич бежал. Интересовалась теми днями в Невесине.

А он в ответ:

- Почему тогда ты не спрашиваешь меня о массовых захоронениях сербов 1941 года?

Здравко Кандич - тот, что приказал везти мужчин в Брезу. Говорят, живет он теперь где-то в окрестностях Требиня, но где именно, никто не знает.

Крсто Савич по прозвищу Кичо - начальник милиции, еще недавно находился в тюрьме в Фоче (Республика Сербская Боснии и Герцеговины). Его подозревают в убийстве крупного сербского чиновника, совершенном уже после войны. Мы побывали в Фоче, хотели с ним поговорить. Расспросить о том июне в Невесине. Но в тюрьме Савича не оказалось. Хотя приговор еще не вынесен, решением сербского суда Кичо отпущен на свободу до начала процесса. Где он? Нам выяснить не удалось.

Наведение порядка

Теперь-то Ясна знает, что такое Бреза. Так называют окрестные леса. Именно здесь 18 мая 1999 года было обнаружено массовое захоронение. Яма глубиной около полуметра, двадцать семь расчлененных тел (в эксгумации принимала участие доктор Эва Клоновски). Так называемая вторичная могила.

Ясна также знает, что в конце августа или сентября 1993 года Здравко Кандич и его командир Новица Гусич приказали перенести тела из одной пещеры (так называемой первичной могилы) в другую - на гору Вележ. Перепрятывать приходилось потому, что в Невесине прибывали первые отряды Организации Объединенных Наций.

Через несколько лет Ясна смогла поговорить с одним из тех четверых, что перепрягивали трупы. Этого человека она теперь считает своим названным братом.

Так что тела пережили две эксгумации. Часть костей оказалась в одной яме, часть - в другой. Кусок оправы чьих-то очков валялся здесь, кусок - там.

Первая яма – глубиной в десять метров. Сверху лежали сто сорок четыре гильзы и телефонные кабели (возможно, люди были связаны). Не известно, убили ли их сразу после того, как увезли со школьного двора (26 июня 1992 года), или лишь на следующий день. Большинство обнаруженных в захоронении часов остановились 28 июня.

Ясна нашла мужа.

Доктор Эва собрала его череп.

Состоялись похороны.

Деревья

По широкой и плоской долине мы едем в Пресеку. Минуем деревню, в которой родились Ясна и ее отец. Деревня стоит, в мусульманских домах теперь живут сербы.

А вот и Пресека. Она едва различима справа от узкой асфальтовой дороги. Серые остовы каменных домов (без крыш, без окон, без дверей) почти сливаются с каменистым склоном горы Црвань. Неизменная жара, воздух неподвижен, тишина.

Много зелени, и именно это говорит о том, что здесь была когда-то деревня, что здесь жили люди (пейзаж напоминает деревни лемков¹² на юге Польши). Груши, сливы, орешник, бузина, рябина. Деревья побольше и поменьше, кусты, какие-то вьющиеся растения безнаказанно лезут в сени, подвалы, ванны, комнаты, кухни, кладовки, мастерские, конюшни, коровники, школьные классы, кафе, магазин. Никто не пытается остановить это древесное нашествие, не выкорчевывает, не подстригает. Особенно пышно все расцветает в период обильных весенних и осенних дождей.

Есть и несколько новых домов. Они беспорядочно торчат среди руин, выделяясь на общем фоне. Оштукатуренные, с окнами, красными крышами. В Пресеку возвращается жизнь.

¹² Лемки происходят от племени белых хорватов, поселившихся на Балканах в VI-VII вв. Осенью 1944 г. власти Польши по договору с СССР решили переселить лемков с польских земель на Украину. К комиссиям, агитировавшим их покинуть свои села, подключились польские воинские части. Они выгоняли лемков из домов и поджигали села, чтобы никто не вернулся обратно. Под конвоем людей перевезли на Украину. Принудительная депортация продолжалась до осени 1946 г.

Нам навстречу выходит пожилая пара. Старики радуются Ясне. Они одеты так, словно ждут гостей: он - в отглаженных бежевых брюках и голубой рубашке с воротничком, она - в светлой косынке, аккуратной блузке и цветастой юбке.

Детей у них нет. Никто их не навещает.

Сербы здесь не появляются.

Тогда, во время скитаний по горам (когда взорвалась мина рядом), супруги оказались в большей группе. Большой группе и повезло больше.

В Пресеку они вернулись недавно. На пособие Евросоюза заново отстроили этот небольшой дом. Она посадила цветы, лук. Он с помощью резиновых шлангов частично восстановил бывший водопровод. Даже ванная есть.

Автобусы в Пресеку не ходят.

Раз в неделю из Невесине приезжает один серб, продает им кофе, сахар, муку. Работы нет, это он сам себе придумал такой бизнес.

Пенсия у стариков - сто марок, на которые они покупают самое необходимое.

У мужа больные почки, нужна операция, но где ее делать? Все больницы слишком далеко.

С немногочисленными, недавно вернувшимися соседями они общаются редко. Дома слишком разбросаны (каждая семья восстанавливала свое прежнее хозяйство), пешком не доберешься. Днем печет солнце, а все усталые, старые, больные. Вечером же становится страшно идти через темные безмолвные руины.

Зимой навалит по пояс снегу. Когда-то печи топили собственным лесом. Теперь леса нет (вырубили сербы). Так что дрова придется покупать, привозить, колоть.

- Ушла отсюда молодость, - сетуют старики. - Жизнь вернулась, но ненадолго. Пресека доживает свои последние годы.

В Пресеке есть кладбище. Клонятся к земле высокие старые надгробья (времен турецкого ига и времен Тито).

Новых могил нет. В последние девять лет умирать здесь было некому.

Супруги молятся, чтобы добрый Аллах забрал их к себе одновременно.

Ясну они ни о чем не спрашивают. Знают, что она пережила.

Добрая весть

В мотеле на берегу озера Борачко изнасилованных женщин загнали в импровизированную тюрьму. Ясна, Фадиля и Мерсада снова оказались вместе, а красавицы сестры куда-то исчезли.

Там же держали еще двенадцать пленников. Якобы хорватов из-под Мостара. Ночью явились сербы (четники, утверждает Ясна). Стали пытаться мужчин. Женщины накрыли головы одеялами.

Палачи похвалялись перед ними: нам, мол, и ребенка убить плевое дело.

На рассвете за Ясной пришел какой-то человек. Говорил, что она ему очень нравится, что он хочет с ней спать и так далее. Она сказала про мужа и детей. Пожаловалась, что ничего о них не знает.

Мужчина отвел ее в один из домиков в кемпинге. Там ждали красавицы сестры. Они уже тоже многое здесь перенесли.

Девушки были из Пресеки, благодаря чему Ясна и осталась жива. Старшая сестра работала на текстильной фабрике в Невесине и знала местного коменданта Радослава Солду.

Тот обещал их спасти.

А Петар Дивьякович - убить.

Радослав спросил женщин, есть ли у них в Невесине какая-нибудь знакомая сербка, которая согласилась бы их спрятать.

- Есть, - подтвердили сестры. - Света.

На берегу озера Борачко им повстречался еще один порядочный человек, о котором Ясна хотела бы сегодня вспомнить. Студент православной семинарии, в армию его забрали силой. Он спросил Ясну, почему она плачет.

Та рассказала о детях - в подвале, без воды, без еды, без мамы.

- Позор! - воскликнул он. Ясна очень сожалеет, что не запомнила имя юноши.

На рассвете Радослав отвез ее и красавиц сестер в Невесине. А Фадиля и Мерсада, которые остались с истязаемыми мужчинами? Ясна их больше не видела. Как и тех мужчин.

И по сей день ничего об этих людях не известно.

Знакомая сербка не пустила их на порог:

- Чего доброго дом мне за это подожгут, - она внимательно огляделась по сторонам и захлопнула дверь.

- Привези детей, - попросила Ясна Радослава (красавицы сестры были бездетны).

Он велел женщинам ждать в гостинице. Оставил солдата, чтобы присмотрел за ними.

- Выпейте пока кофе.

А сам поехал к начальнику сербской милиции и к коменданту сербской армии (их фамилии мы уже знаем).

- Я все разведваю и вернусь за вами, - сказал он на прощание.

Через час вернулся и произнес слова, которые Ясна никогда не забудет.

- Я принес добрые вести. Дети здоровы. Вчера их повезли на мусульманскую сторону - обменивать на пленных. Е... твою мать, дали нам четыре трупа за целый автобус живых.

В автобусе было якобы двадцать детей.

- И мои? - вскочила Ясна.

- И твои.

Радослав спросил, отважатся ли они идти в одиночку через Вележ в Мостар. Дети вроде бы там.

- И муж твой тоже, - обнадежил он.

- Мы пойдем.

Он довез женщин до подножья горы, дал с собой хлеба и консервов.

- Дай нам Бог когда-нибудь встретиться по-человечески и посмотреть друг другу в глаза. Будьте осторожны.

Он показал им дорогу через Вележ. Предупредил: если попадутся в руки шешелевцам, сам Аллах их не спасет.

- Тогда уж вам никто не поможет. Да и мне не поздоровится.

И уехал.

Женщины поползли по-пластунски. Встали на ноги, лишь когда стемнело.

До недавнего времени на склонах Вележа жили одни мусульмане, теперь здесь пасли скот.

- Поди-ка сюда, Главица! - услышали они наконец мужской голос. - Ой, да чтоб ты сдохла!

Женщины расплакались. Они решили, что это все. Конец.

Мужчина бранил корову.

- Откуда четнику знать имя здешней коровы? - опомнилась одна из женщин.

- Погоди! - закричали они.

Мужчина (вернее, молодой парень) пустился наутек.

- Мы наши! - кричали они ему вслед.

- Сам Аллах меня вам послал, - сказал тот, успокоившись. - Вы шли прямо на деревню шешелевцев.

Шешелевцы - известная своей жестокостью сербская военизированная организация.

Женщины отдохнули в палатке мусульманских пастухов.

Их проводили в мусульманскую деревню. Там стояли мусульманские солдаты.

Ночью их отвезли в Мостар, в западный район. В детском доме был устроен лагерь для беженцев.

Ясна радовалась. Первой, кого она увидела, оказалась свекровь.

- Где дети? - спросила та. - Где Хасан?

- Дети вчера сюда приехали, - Ясна оглядывалась по сторонам. - Целый автобус.

- Ясна! Не приезжали сюда никакие дети! Нет здесь детей...

Две женщины

По ту сторону горы Црвань (близ озера Борачко) пещера Борисавац.

Столетиями местные жители твердили, будто она бездонна.

Но теперь (в конце августа) мы уже знаем: дно у пещеры есть, к нему ведет узкий рукав длиной в семьдесят пять метров. Там лежат кости, светят прожектора, трудятся люди.

Наверху у края пещеры толпа. И Ясна тоже здесь. Рядом доктор Эва Клоновски, которая месяц тому назад, занимаясь другой массовой могилой, сломала ногу и теперь не может работать внизу. В пещеру опустили камеру, для Эвы установили монитор. Мы видим все, что там происходит. Родственники тоже смотрят. Доктор Эва руководит эксгумацией по рации. На дне ямы работает Петр Друкер - молодой антрополог из Вроцлава. Вместе с ним Амор Машович - председатель Боснийской комиссии по делам пропавших.

В яме Борисавац мы рассчитываем найти кости девятнадцати стариков, убитых в близлежащей деревне в июле 1992 года. По словам человека, которому удалось пережить ту казнь, тела сбросили именно сюда - в бездонную пещеру.

И вот первые белые пакеты («body bags») оказываются на поверхности. Рабочие укладывают их на траву. Близкие разыскиваемых обступают мешки, доктор Эва осматривает кости, ловко определяет возраст и пол жертв.

Эксгумированы останки двух молодых женщин.

Значит, это не та могила. Ясна разочарована.

- Может, это Фадиля и Мерсада? - спрашивает она, а у самой на глазах слезы.

- Может, - говорит доктор Эва. - Надо будет проверить.

- А дети там есть?

- Петр! - теперь Эва говорит по радио. - У тебя там внизу дети есть?

- Нет. Пока нет.

Материнское счастье

Дети, пропавшие в Невесине в июне 1992 года:

Шипкович – (семи дней от роду) безымянный.

Асим Шипкович (17 лет),

Хусо Шипкович (3 года),

Хусо Аличич (8 лет),

Мехо Аличич (17 лет),

Мерима Аличич (5 лет),

Назика Аличич (11 лет),

Саудин Аличич (5 лет),

Салих Алибашич (16 лет),

Айла Махинич (1 год),

Ибрахим Махинич (12 лет),

Лейла Махинич (7 лет),

Омера Махинич (10 лет),

Амина Омерика (1 год),

Аган Плоскич (1 год),

Амра Плоскич (5 лет),

Эмин Плоскич (1 год),

Самра Плоскич (4 года).

Айла Плоскич (девять месяцев). Теперь ей исполнилось бы десять лет. Ясна всегда знает, сколько лет было бы сейчас ее детям. Дочкиных снимков у нее нет. Не успели сфотографировать.

Амар Плоскич (4 года), в красных галошках. Сегодня ему было бы тринадцать. На фотографии он сидит на велосипеде.

Ясна - единственная мать, пережившая ту котельную. Другим женщинам повезло больше: они погибли вместе со своими детьми. Мы ни о чем не спрашиваем Ясну. Сколько дети весили при рождении? Как долго она кормила их грудью? Росли ли они умными, веселыми, послушными? Какого размера были красные галошки?

Памятник

Сребреница - городок в зеленом ущелье, Республика Сербская. Частные домики, многоэтажки, школа и церковь на холме. Жара. Люди сидят перед чужими домами. Смотрят. Один смеется. Другой плачет. Никто никуда не идет. Не едет. Да и зачем?

Однако возле некоторых домов мы замечаем какое-то движение. Идет ремонт. Мусульманкам возвращают их дома в Республике Сербской, те восстанавливают жилье руками сербов и сербам же продают. Вернее, пытаются продать. По соседству в Братунаце уже заключено несколько первых сделок, а в Сребренице - ни одной.

Сербы хотели, чтобы Сребреница была сербской, а теперь не желают здесь жить. «В Сребренице мы не чувствуем себя дома, - жалуются они. - Это мусульманский город, город смерти, крови». Голосов, доносящихся неизвестно откуда. Шепота, крика, плача. Иным даже слышалось пение пяти муэдзинов, что с пяти незримых минаретов призывали на молитву верных, которых тут давно уж нет.

Жители сегодняшней Сребреницы могут отправиться в Сараево, Вогощу, Ильяш, Доньи-Вакуф, Бугойн, Гламоч. Если, конечно, есть деньги на автобусный билет. Можно обратиться в мусульманскую администрацию и, согласно Дейтонским мирным соглашениям, попытаться получить обратно свое имущество (этим занимаются женщины, сербские мужчины путешествовать не любят).

Сербам возвращают их дома в Федерации, те ремонтируют жилье на дотации Европейского Союза. Сербские женщины нанимают мусульманских рабочих. И, как правило, выставляют дома на продажу. На вырученные деньги покупают дома в Республике Сербской, но не в Сребренице. Наши власти, говорят, обещали, что здесь вновь откроются фабрики и санаторий. Что появится работа. Санаторий уже есть. Вот только отдохнуть сюда никто не рвется. Власти хотят переименовать Сребреницу в Србобран (то есть «защитник сербов»). Говорят, это хороший рекламный ход, должно подействовать.

Подействовать может одна лишь война, так говорят в Сребренице. Только она способна что-то изменить.

Недавно в Поточарах, возле грунтовой дороги, под деревом мусульманские вдовы и матери торжественно открыли памятник - камень, напоминающий о совершенном преступлении: «Сребреница, июль 1995».

После чего женщины вернулись туда, куда были изгнаны несколько лет назад. Все это происходило под охраной полиции.

Камень обложили ковровым. Даже аллеи нет, вокруг лишь утоптанная глина. Некому следить за порядком.

Теперь мусульманский памятник охраняют власти Республики Сербской. Поставили под деревом деревянную сторожку. Выкрасили ее в национальные сербские цвета. Сербский полицейский сидит на стуле, подставив под ноги пенек, - сложил руки на коленях и замер в такой позе. Ему велели сторожить мусульманский камень. Мы спрашиваем: зачем? Полицейский докуривает сигарету, отбрасывает окурки.

Возвращение

После того лета (1992) никто не живет в Ризвановичах под Приедором. Место людей в сенях, кухнях и комнатах заняли кусты сирени, акация, рябина. Крыши провалились, полы сгнили. Исчезли собаки и кошки. Улетели голуби. Кусты лещины по обочинам разрослись так густо, что их кроны сомкнулись над асфальтом, образовав плотный зеленый туннель.

Ночи в Ризвановичах нередко черны и туманны, и на этом безлюдье, наверное, бывает жутковато.

Но сегодня здесь вполне симпатично. Полнолуние. Люди погасили свет, ворочаются с боку на бок.

Скрип

Халима (сорока двух лет) угощает нас кофе:

- Я уже привыкла. Умоюсь, вытрись, лягу. Когда холодно, беру вон тот красный плед. Засыпаю сразу, без труда - устаю за день.

Иногда он меня навещает. Мне эти визиты не по душе. Зачем? Я ведь знаю, что он сразу уйдет. С самого начала знаю. И отворачиваюсь к стенке.

Иди, говорю, иди, откуда пришел. Я сейчас проснусь.

А он не слушается. Садится вот тут на диванчик в ногах. Улыбается. И даже не обнимет меня. Хоть бы объяснил, что случилось. Куда он тогда пошел?

Ребенком бы поинтересовался.

Я бы столько могла рассказать. Про то, например, как я кусты выкорчевывала. Руки себе натрудила, спину.

А он ни слова, молчит, точно рыба. Только так смотрит, словно сам все знает. Я иногда злюсь на него: зачем он меня бросил?

Наверное, в этот момент (в два, в три ночи?) наш сын и приходит из соседней комнаты, берет с кресла второй плед, укрывает меня.

Поднимается солнце, я тоже встаю.

- Опять ты, мама, - говорит сын, - ночью зубами скрипела.

- Снова? Прости.

- Ты будто камни грызла.

Я пью кофе, открываю окно, выглядываю. Жизнь идет своим чередом.

Последний день отпуска

Дети галдят, женщины развешивают белье, мужчины просеивают песок. Гудят бетономешалки, растут дома. Повсюду вокруг еще сырые кирпичные стены: и слева от дороги, и справа, и вплотную к асфальту, и в поле, и ближе к лесу. Штук тридцать новых зданий. Окна будут смотреть на Приедор (на западе) или густые заросли (на востоке). Это поросшие кустами руины опустевших домов.

Красиво станет в Ризвановичах. Правда, еще не в этом году.

Бетономешалки затихают.

Отпуск у мужчин заканчивается, надо возвращаться. Их красивые загорелые жены собирают вещи, пакуют по несколько мешков перца (перец из немецкого супермаркета никогда не будет таким же вкусным, как этот, из родных краев). Дети в ярких одежках уже сидят в серебристых «мерседесах», пристегнутые к специальным безопасным креслицам, машут нам на прощание. Каждый получил на дорогу бутылку минеральной воды.

Здесь питьевой воды нет. Водопровод уже много лет как не работает, а редкие колодцы прикрыты жестью, этернитом или фанерой. Ими никто не пользуется, никто в них даже не заглядывает.

Прощальные поцелуи, слезы. Женщины выходят на дорогу, смотрят вслед родственникам.

Они будут скучать, особенно по малышам - по пеленкам на веревке, пустышкам на полу.

Последний новорожденный появился в Ризвановичах девять лет назад.

Перец

Теплицы на опушке леса. Их строительство финансировали австрийские фермеры и итальянские пенсионеры, а принадлежат они обществу «Мосты дружбы», созданному местными жительницами. Они здесь работают и счастливы,

потому что в Боснии (например, в соседних деревнях) женщины в основном сидят без работы.

Раньше они трудились в Приедоре: в различных учреждениях, библиотеках, магазинах, на фабриках. Сегодня в городе работы для них нет. Да если бы даже и нашлась какая-нибудь - ни одна жительница Ризвановичей на нее не согласится. В Боснии ведь принято начинать рабочий день с совместной чашечки кофе.

А о чем им говорить за кофе с теми, приедорскими?

О вымазанных черной краской лицах? Надо бы спросить, кто это был.

О белых полотенцах? Надо бы спросить, зачем они понадобились.

О разрушенном костеле в Приедоре? Уничтоженных мечетях? Надо бы спросить, почему целы православные церкви.

О танцплощадках на берегу реки? Надо бы спросить, почему стало не с кем танцевать.

В теплицах выращивают перец. На рассаду его сеют дважды в год: в конце февраля и в августе. Нужно правильно подготовить землю, тут на помощь приходят американские дождевые черви - подарок какого-то иностранца. В грунт перец высаживают в марте и в сентябре. Ежедневно пропалывают, каждый вечер поливают.

За работой женщины вспоминают былые покупки:

- Номер воротничка - сорок первый.

- Рост - метр восемьдесят.

- Метр девяносто три.

- Обувь сорок третьего размера.

- Сорок пятого.

- Большие размеры всегда было трудно достать.

На ночь теплицы закрывают, чтобы перец не замерз, а перед рассветом открывают, чтобы не запарился.

- На пляже в волейбол играли, - теперь они припоминают отпуск в Хорватии.

- Дети строили из песка замки.

- Один человек стал тонуть, так мой его вытащил. Другие перепугались...

Урожай убирают летом и зимой, в январе цены на перец самые высокие.

Особенно на этот, из Ризвановичей - без нитратов. Перец, как и помидоры, огурцы, стручковую фасоль, картошку, женщины продают на рынке в Приедоре, в пяти километрах отсюда.

Город женщины не любят. Все свои дела решают на рынке: продают овощи, потом делают покупки. Здесь все самое дешевое - шмотки, обувь, косметика. Старье, но магазины им не по карману.

Ясминка (председательница общества, тридцати с чем-то лет) купила сегодня купальник. Серебристый, за двадцать марок - очень удачно.

- Взгляните-ка! - подмигивает нам Ясминка.

Завтра подруги поедут на берег Саны.

Соберут корзинку - бурек (тонкий пирог с мясом), кефир и ice tea¹³. Сядут в автобус. Хотя Сана близко (и здесь особенно живописна), они отправятся в Сански-Мост, за тридцать километров. К своим, в Боснийско-Хорватскую Федерацию.

Ризвановичи (а также соседние деревни: Бищаны, Раковчаны, Хамбарине) всегда были мусульманскими. Но вот уже несколько лет, как они со всех сторон окружены сербскими поселениями. И Приедор стал сербским (а до 1992 года был в основном мусульманским). Теперь повсюду вокруг - Республика Сербская.

Приятно посмотреть

Вечером в доме у Кемили (тридцати четырех лет):

- Тут неподалеку гарнизон с чешскими солдатами. Когда мы вернулись, они первое время постоянно к нам навевались, старались развлечь. И теперь тоже не забывают, воду вот привозят.

Светловолосые, высокие, статные.

Приветствуют нас: «Ahoj!»¹⁴ А еще говорят, что мы красивые. Ну, соседки еще может быть. Они мажутся, пудрятся. А я что? Моя любовь уже позади.

Сыновей-подростков привлекает форма.

Чехи угощают нас сладостями. Обещали электричество провести.

Им нравится, когда мы готовим им япрак, мясо в виноградных листьях.

Приятно посмотреть, как они уплетают. Хвалят - мол, как дома.

Комендант следит, чтоб они не засиживались у нас допоздна. Они дисциплинированные, как и положено в армии. Мы им пирога с собой даем.

Соседки, может, на что-то и рассчитывают. Но солдаты ведь сменяются каждые полгода, волей-неволей приходится расставаться. Они возвращаются к своим чешским девушкам.

¹³ Чай со льдом (англ.).

¹⁴ Привет! (чешск.).

Да и какой нормальный человек здесь останется? Кто детей зачнет? Чего ради?

Пляж

Сана, в отличие от других местных рек, не очень грязная. В ней не увидишь старых газовых плит, стиральных машин, кабелей, телевизоров, велосипедных рам, тракторных шин, остовов автомобилей. Пара бутылок да банок - пустяки, можно купаться.

Мусульманки снимают брюки, блузки, платья.

Достают бутылочки с маслом, мажут друг другу спины. Смеются.

Заходят в воду, плавают. Выбираются на берег, помогают друг другу вытереться.

На пляже есть и мужчины.

Женщины лежат на пледах. Пьют, едят. Обсуждают свои теплицы.

Домой возвращаются к вечеру. Одна из них садится на трактор. Другая включает насос, набирает воду из бетонного бассейна в металлическую цистерну на прицепе.

Трактор не заводится. Женщины вызывают мастера из Приедора.

Тот как раз вышел из церкви. Он любезен, садится в машину, расспрашивает о перце, чинит трактор.

Женщины поливают перец, закрывают теплицу. Умываются и ложатся спать.

Тот июль

В доме у Фадили (тридцати одного года):

- Красиво тут у нас, правда? Первый этаж закончили, крыша над головой есть.

А чего бояться? Что они могут мне сделать? Убить?

Здесь я родилась и здесь буду жить. Нравится это приедорским говнюкам или нет.

Через Приедор я на работу ездила. Там на берегу реки было кафе, мы его очень любили. Ходили туда по вечерам на концерты, на танцы, выпить кока-колы.

Все это в прошлом.

Я работала недалеко, в Кератерме, на керамической фабрике. Мы делали огнеупорные спирали, нагреватели, пепельницы, сувениры.

Наши работали в рудниках: в Любии, Томашице, Омарской.

Сначала нас уволили. И меня, и моего - всех мусульман. Отключили нам тут электричество, воду перекрыли. Мы сидели в подвалах, потому что вокруг стреляли. Хотели нас запугать. Я и правда боялась.

В городе было много мусульман. Сербы вывозили их в лагеря. Но мы тогда вроде еще об этом не слышали. Да и кто бы поверил?

Наконец по радио (приемник был на батарейках) объявили, чтобы мы никуда не уходили - нас придут переписывать.

20 июля 1992 года, семь утра. На наших окнах, согласно распоряжению, висели белые флаги.

Они подошли со всех сторон, подъехали на транспортерах. Окружили Ризвановичи и соседние деревни. В разной форме: черной, синей и в камуфляже. Сербы.

На тех, что шли со стороны Приедора, форма была синяя. Лица вымазаны черным. Темные очки, ножи, палки, автоматы, на плечах белые полотенца.

Они шли от дома к дому. Мне и по сей день слышатся их голоса. Ребята, с которыми мы учились в школе, в техникуме, сидели в кафе на берегу реки. Поехать бы в Гаагский трибунал и рассказать о них международным судьям. Но кто меня там станет слушать? Кто будет на меня время тратить?

Кое-кому удалось скрыться. И мой ушел. Побежал в лес.

Я ни одной эксгумации не пропускаю. Высокий, в голубой рубашке и зеленых рабочих брюках. Я бы узнала его, простилась. Ну сколько можно тосковать по человеку, если знаешь, что он уже никогда к тебе не вернется?

Тех, кто остался в деревне, силой выволакивали из домов. Убивали во дворе. Или вон там, на перекрестке, в поле, на лугу. И подростков тоже.

Женщинам и детям запретили подходить к окнам. По стеклам стреляли.

Они вытирали ножи белыми полотенцами и шли дальше.

Теперь, когда картошку копаешь, всё кости попадаются. Может, это моего? Или брата, который как раз за два дня до всего этого приехал из Германии в отпуск? Везде кости торчат, в колодцах плавают.

Соседку затащили на чердак. Они ее по Приедору знали, эта женщина работала в ресторане, который держал один мусульманин. Изнасиловали, убили, двинулись дальше.

Некоторых живьем забрасывали на грузовики. Куда-то увозили. Теперь-то мы знаем, что в лагеря смерти. Их там истязали. Может, и моего тоже. Я бы хотела знать, как все было. Что с его телом сделали?

Я это тело как сейчас помню, обязательно признаю.

Та ночь, которую я бы уже и рада забыть, была особенно черной. Сербы перебили все фонари. Тишина, как в могиле. Мы хватали детей и - бегом к соседям. Некоторые из нас по дороге спотыкались о трупы мужей. Мы хотели держаться вместе. То доска скрипнет, то собака залает, а мы пошевелиться боялись. Плакали так тихо, что одна другую не слышала.

Рассвело. Мы подошли к окнам. Что я там увидела... лучше и не вспоминать.

Они ввалились с грохотом, выволокли соседку, потом еще двух женщин.

У нас тут есть мать, которую семеро насильовали. Вместе с девятилетней дочкой. И сына ее убили. Он лежал возле хлева, она его голыми руками закапывала. Хотите с ней поговорить?

Отбирали деньги, украшения, телевизоры, кастрюли.

Из сараев тащили тракторы, машины, инструменты. У нас была богатая деревня, в каждой семье кто-нибудь жил на Западе.

Наступил второй день, третий, четвертый. Мы сидели по домам, голодные, грязные, без воды. Жара невыносимая. По телам наших мужей ползали мухи.

Нам не разрешали выходить из дому, хоронить убитых.

Трупы разлагались. Тем, приедорским, это надоело. Они нашли восьмидесятилетнего старика соседа. Велели ему собрать тела. С улиц, с лугов. Он сам втаскивал их на грузовик. Напоследок забросил на эту кучу своих сыновей. Двое у него было, двоих он туда и положил. Ему приказали сесть сверху, на их тела. И увезли. Куда?

Мини-трактор

Для работы в теплице женщинам еще не хватает плуга, сеялки для фасоли и легкого мини-трактора, который может ездить по центру парника. Он особенно необходим. У одного местного серба такой есть, его иногда просят помочь. Но с ним так просто не договоришься, вечно какие-нибудь проблемы.

Мини-трактор стоит восемь тысяч немецких марок.

Нужны мотыги, заступы, грабли, вилы, тележки, тачки.

Женщины хотят построить еще теплицы, чтобы было больше рабочих мест. Пока что обеспечены только сорок три из них. Зарплата сто пятьдесят марок (плюс пенсия за убитого мужа - итого почти триста).

Те, кому не удалось устроиться на работу (а таких большинство), имеют немногим более ста марок пенсии. Или вообще ничего, если муж был слишком

молод и работал слишком мало. Питаются тем, что удается вырастить: кукурузой, картошкой, баклажанами.

В то лето женщинам наконец велели покинуть дома. Их согнали на огороженную проволокой площадь. Вместе с детьми они много часов простояли на солнцепеке. Подъехали автобусы. Приказали садиться. Били. Затем отвезли в лагерь в Трнополе или в Кератерме (на керамической фабрике). Сказали выйти. Они сидели без воды и без еды, то и дело подвозили еще женщин, отовсюду. Сделалось тесно. Их посадили в автобусы, снова били.

Отвезли на линию фронта и велели идти вперед.

Женщины и дети поселились в центрах для беженцев, потом заняли пустовавшие дома. Они принадлежали сербам, что бежали к своим. Кое-кто уехал за границу, главным образом в Германию. Когда в 1995 году был подписан мирный договор, боснийкам предложили покинуть Германию. И они вернулись.

Сербь, согласно Дейтонским соглашениям, тоже возвращаются к себе. Так это выглядит на бумаге. На самом-то деле ничего не изменилось: люди, как правило, не собираются жить в своих прежних домах, приезжают лишь затем, чтобы их продать. Власти выгоняют (выселяют) нелегальных жильцов и передают имущество законным владельцам.

Мусульманки решили снова поселиться в Ризвановичах, в Республике Сербской. Деревню было не узнать, настоящие джунгли. Сперва пришлось выкорчевывать кусты. Добрались до стен, оказалось, те уже никуда не годятся.

Женщины устроились все вместе в разрушенном здании управы. Кое-кто в палатках.

Добились дотации от Европейского Союза. Союз охотно дает деньги тем, кто возвращается в родные края: Европа пытается стереть следы происходивших здесь этнических чисток.

Женщины получили ссуду на стройматериалы. Купить их и начать строительство следовало в течение сорока пяти дней. Не успел - возвращай деньги.

Заплатить рабочим было нечем.

Они позвонили своим родным в Германию (Францию, Швецию, Австрию - всюду, куда в свое время эмигрировали югославы) и попросили мужчин о помощи. Все, кто мог, приехали. В отпуск, с женами, с детьми.

Кто не смог, прислал деньги. Женщины привезли из Приедора рабочих.

В городе работы нет, так что сербские каменщики охотно строят мусульманкам дома.

Старуха

В гараже у Мерсады (ей семьдесят четыре года):

- Кем бы ни был тот, кто это устроил, пусть с ним то же случится, что со мной было, пусть он то же почувствует, что я пережила.

Увижу чужих детей, внуков - и в слезы.

Дочерей у меня не было, только два сына. И мужа нет, никого нет.

Одного сына уже отыскали.

На его похороны приехала невестка из Швеции. Сказала, что выходит замуж. У моей внучки будет новый отец. Все правильно.

Я просыпаюсь в четыре утра. Но не встаю, зачем?

Только если в Сански-Мосту показывают новые кости, тогда я еду.

Свой ребенок всегда поможет. А постороннему человеку и в голову не придет зайти спросить, не голодная ли ты.

Люди после войны изменились. Перестали ходить в гости, смеяться.

Одинокие старухи никаких дотаций не получают. Европа не хочет восстанавливать наши дома. Мы, говорят, не перспективные.

Но мой домик растет, мне одна женщина из-за границы помогла. Она меня как-то навестила, увидела, что я в гараже живу. Доктора Эву в Боснии все знают. Она тут кости выкапывает, опознает людей. Нашла моего сына и второго тоже обещала отыскать.

Колодец

Первые числа сентября. В Ризвановичах суматоха. Предстоит эксгумация (не первая здесь и, наверное, не последняя). Эксгумирует доктор Эва Клоновски, антрополог.

Из колодца извлекают три тела: двое мужчин, одна женщина. Кто они?

По всей видимости, не местные. Быть может, это католический ксендз из Приедора и его пожилые родители. Хорваты. Свидетели утверждают, что сербы вывели их на окраину спустя три года после того лета - в 1995-м. Их вели к большой зеленой роще в пригороде (бывшие и будущие Ризвановичи). Больше ксендза никто не видел. А мы теперь видим кости.

Женщины пришли взглянуть. Но некоторые явно думают о чем-то своем. До сих пор их дети учились в мусульманских школах в городе Сански-Мост или в деревне Луци-Паланка. Недавно проездные билеты на автобус подорожали, у

матерей нет денег на ежедневные поездки. В эти дни дети из Ризвановичей впервые пошли в сербские школы в Приедоре. Начнут учить кириллицу. Как отнесутся к ним учителя-сербы? А сербы-ровесники? Будут ли они общаться? И о чем станут разговаривать?

В Ризвановичах заканчивается эксгумация, группа едет дальше. В деревню Любия, где в карьере обнаружено массовое захоронение. Большая могила: восемьдесят пять метров глубиной, триста семьдесят два тела, работы на месяц. Рядом с некоторыми останками - документы.

Это мужчины из Ризвановичей.

Эва в доме Мейры

Кто бы мог подумать: в дом матери Мейры пришло счастье. Чтобы побыть сегодня с ней, съехалось много народу, из самых разных мест. Камень с плеч, конец пути. Может быть, теперь она наконец уснет спокойно. Похороны, молитва, могила. Две могилы. Мейра никому не позволяет плакать:

- А то еще Небойша увидит. Мы должны вести себя достойно.

Мы с доктором Эвой Клоновски хотели навестить Небойшу Б. Он живет неподалеку. Но Мейра и тут воспротивилась:

- Не надо, еще не время.

Небойша Б., тот, что когда-то ухаживал за Эдной, дочерью Мейры, сегодня полицейский в Приедоре.

Когда началась война, Небойша стал в Омарской следователем, а Эдна - узницей. Он пытал Эдну, насиловал.

В Омарской видели также Эдвина, брата Эдны. Его истязали на глазах сестры.

Эдна Даутович, родилась 18 марта 1969 года. Училась на педагогическом.

Эдвин Даутович, родился 13 августа 1965 года. Электрик.

Теперь имам (молодой, красивый, в дорогих очках) готовится произнести за умерших Йя-Син. Так велит Коран. Женщины в кухне запекают телятину, готовят сладкую пахлаву. Мейра вынимает из шкафчика небольшую скатерть и энергичным жестом бросает ее Эве на колени:

- Ноги! Прикрой ноги!

Ох уж эта бестактная доктор Эва! Мало того что уселась вместе с мужчинами (все остальные женщины - в соседней комнате), так вдобавок еще надела слишком

короткую юбку. И голова платком не покрыта. И говорит не переставая. А имам смотрит.

Доктор Эва выкопала в Боснии уже две тысячи тел. Вытащила из колодцев, достала из пещер, выгребла на свалке или извлекла из-под свиных костей. Это благодаря Эве мы сидим сегодня у Мейры и слушаем, как имам поет Йя-Син:

Воистину, мы оживляем мертвых
и записываем то, что они вершили, и то, что они оставили после себя.
И все мы подсчитали в ясном руководстве¹⁵.

Книга

Весна 1992 года. Начало войны. Мусульман из Приедора, где жили Мейра с мужем и детьми, забирали из дома (с улицы, с работы, из магазина), увозили в лагеря Омарская, Трнополь или Кератерм. А то и просто в лес.

В недавно изданной «Книге без вести пропавших. Община Приедор» более трех тысяч фамилий, расположенных в алфавитном порядке. Это в основном мужчины. «Книга...» большая и тяжелая. На одном листе формата А4 помещается всего девять фотографий. Со страницы номер 88 глядят Эдна и Эдвин. Рядом фамилии неких Исмета, Дервиша, Сеада, Эсея и Фикрета. Снимки отсутствуют. Видимо, их близкие бежали из дома в панике, им было не до фото. А потом возвращаться стало некуда. Сегодня Приедор - это Республика Сербская Боснии и Герцеговины, а в мусульманских домах живут сербы.

Редакторам «Книги...» пришлось нелегко. Если не было фотографии, над фамилией без вести пропавшего помещали лилию - элемент древнего герба Боснии.

Сегодня многие восьми-, девятилетние дети не знают, как выглядели их отцы и старшие братья. Те просто не успели отпечататься в их памяти. Когда ребята подрастут, им наверняка будет не хватать этих лиц. Лилия в «Книге пропавших» - это слишком мало. Сегодняшние дети захотят увидеть, какой формы был у отца или брата нос, какие щеки, подбородок, волосы, какой взгляд. Заинтересуются сходством. Станут рыться в архивах школ, управы, армии и рабочих мест. Спрашивать через газеты, радио, телевидение. Рассказывать о своей мечте:

- Я бы хотел/хотела знать, как выглядел мой отец. Может, у кого-то есть коллективная фотография, на которой он запечатлен, - школьная, армейская или

¹⁵ Здесь и далее фрагменты Корана в переводе М. Н. Османова.

сделанная во время совместного отпуска под Дубровником. Позвоните, пожалуйста...

Быть может, есть у кого-нибудь фотография Ибрахима Адемевича (1961), Эсада Ахметевича (1968), Мирсада Цехича (1973), Азмира Целича (1971), Айдина Дженановича (1983), Элвира Карарича (1976), Элвира Селомовича (1975). Может, кто-нибудь знает, где они. Родственники хотят иметь их могилы.

- Может, кто-нибудь знает, где они, - так расспрашивала весной мать Мейра о своих детях.

Мозаика

Автобус с табличкой «Школа» уехал 24 июля 1992 года после одиннадцати вечера в неизвестном направлении. В автобусе - пятьдесят пассажиров, известны лишь несколько фамилий. Среди них две женщины: Садета (худенькая, за сорок) и Эдна (молодая, перепуганная). Приятельницы по бараку помогли Эдне сесть в автобус, у нее самой уже не было сил. Они завидовали: Эдну обменяют на сербов, ей повезло. Так им сказали.

Это был третий автобус, что уехал в тот день из Омарской. Пассажиров первых двух обнаружили в Храстова-Главнице. Сто двадцать четыре тела - только мужских – сваленных в кучу.

Доктор Эва эксгумировала их в декабре 1998 года. Стояли редкостные холода (минус двадцать градусов, иногда ниже), но на дне пещеры теплее (плюс восемь). Работы велись больше недели, с утра до ночи. Не так просто оказалось пересчитать жертвы. С момента казни прошло много времени (шесть лет), дно в пещере (шесть на восемь метров) наклонное. После того как мышцы и хрящи убитых истлевали, кости сползали вниз и перемешивались.

Из этих перепутанных скелетов доктор Эва складывает людей: пожалуй, никто в Боснии не умеет делать это лучше ее. Доктор Клоновски вскакивает на рассвете, завтракает на бегу и готова к работе, когда на часах еще нет и восьми утра. Она трудится до вечера, без перерыва, без обеда. Откладывает очередную эксгумацию: сперва надо разобраться с тем, что уже выкопано.

Эва обычно начинает с тазовой кости. Иногда (вот как в Храстова-Главнице) с кости стопы, поскольку ничего больше найти не удалось. На стороне Эвы знания, опыт и терпение. Она никогда не сдается. Просматривает сотню остальных тел, прикладывает одну кость к другой. Нет, все не то, не годится. Проходят часы и сутки.

Доктор жалуется, даже ворчит, болит спина, болят глаза, но ищет дальше. Она должна быть абсолютно уверена:

- Надо, чтобы match¹⁶ был идеальный, - говорит она, по своему обыкновению смешивая английский с боснийским и польским. Наконец находит точно подходящие друг к другу кости: таранные, большие берцовые, малые берцовые, бедренные, тазовые. Потом позвонки: поясничные, грудные, шейные. Череп, порой его осколки, приходится склеивать. И вот мозаика готова. Человек собран целиком.

Доктор Эва в существование Бога не верит. Но знает, что в него верят семьи, ради которых она трудится. Эти люди верят в Божий Суд и Воскресение.

- Хотелось бы, - говорит она, - чтобы они перед этим своим Аллахом стояли не на чужих ногах, а на своих собственных. И чтобы на плечах у них был свой собственный череп. Чтобы они прилично выглядели, восстав из мертвых.

Переломы

Куда уехал из Омарской третий автобус? Еще весной мы этого не знали.

Весной в деревне Луци-Паланка Эва проводила идентификацию семидесяти трех тел, выкопанных в другой массовой могиле - в Кевлянах. В деревенском Доме культуры в зале на коричневых плитках доктор Клоновски разложила одежду. Сперва она сняла ее с костей и выстирала, чтобы вернуть первоначальный цвет. Если сохранились волосы, их тоже стирали.

Через газеты и по радио вызывали родственников пропавших.

Если кто-то опознавал одежду, доктор Эва показывала сохранившиеся зубы, а затем весь скелет (если таковой имелся). И расспрашивала: хромал ли отец, часто ли брат садился на корточки, перенес ли сын операцию на бедре и так далее. Если и этот этап идентификации проходил успешно, то брала у ближайших родственников кровь для анализа ДНК. Совпадение ДНК крови с ДНК, полученной из кости, дает уже стопроцентную гарантию.

Среди родственников, которые приехали опознавать останки, оказалась симпатичная седая женщина.

- Я мать Мейра, - представилась она нам. - Бываю здесь каждый четверг. Помогаю доктору Эве, утешаю родственников.

- Это Эдвин, - показала она нам тогда какие-то лохмотья. - Мой сын. И пол совпадает, и возраст, и рост, и зубы. Но доктор Эва еще не совсем уверена. У нас пока не проверяли эту самую ДНК. Был у меня Эдвин, - она наклонилась, поправила

штанину. - А еще была Эдна. Я все знаю, что случилось с моей девочкой. Кто ее бил, кто насиловал. Это все Небойша, парень, с которым она дружила до войны. Не знаю только, куда уехал тот автобус. Одежды нигде нет. Хоть бы туфельку найти...

Скелет «KV 014»: множественные переломы ребер с обеих сторон, главным образом спереди и по бокам, но и сзади тоже. Сломана грудина. И два позвонка в верхней части туловища. И правая лопатка. Некоторые переломы свежие (за день, максимум два до смерти). Другие - уже сраставшиеся (за несколько дней или недель до гибели). Эдвин?

Мать Мейра, узнав все эти детали, решила, что это все же не ее сын.

- Я не в силах была поверить, - объясняет она сегодня.

Мейра не стала подписывать документы. А процедура опознания такова: дорогостоящий анализ ДНК делается лишь при наличии подписей ближайших родственников.

Неопознанные тела (из семидесяти трех идентифицировано только десять) похоронили в Козараце, рядом с Приедором, в Республике Сербской Боснии и Герцеговины. Так постановил суд кантона. Предварительно доктор Эва взяла пробу из каждого скелета. На всякий случай - вдруг потребуются анализ ДНК.

Еще она взяла кровь у Мейры и ее мужа Узеира. И несмотря на отсутствие нужной подписи, отослала в мадридскую лабораторию. Приложив фрагмент кости «KV 014».

После чего занялась другими делами: следующая эксгумация проходила близ деревни Доньи-Дубовик.

Пещера

В мае этого года Гаагский трибунал поручил Боснийской комиссии по делам без вести пропавших исследовать пещеру Лисач, недалеко от деревни Доньи-Дубовик (Республика Сербская, северо-западная Босния). В этой пещере должны находиться тела. Так сообщил Трибуналу свидетель.

Фамилии свидетелей не разглашаются. Обычно это сербы: за информацию им платят, неизвестно, правда, сколько. Они утверждают, что видели (никогда не скажут «участвовали»), как и где убивали, перевозили, сбрасывали в яму.

Свидетель сообщает место, но сам в эксгумации не участвует. Боится. Слишком много собирается здесь людей: антропологи (доктор Эва) и судебные медики, медтехники; инспекторы криминальной полиции, полицейские техники,

¹⁶ Пара (англ.).

прокуроры и судьи; следователи Гаагского трибунала; представители Боснийской комиссии по делам без вести пропавших и представители Сербской комиссии по делам без вести пропавших (всем известно, что в числе последних есть убийцы); деятели каких-то американских неправительственных организаций (они не больно-то ориентируются в том, что здесь произошло), переводчики, спелеологи (когда они отсутствуют, на разведку в пещеру отправляется сама Эва - на буксирном тросе), электрики, экскаваторщики, чернорабочие. Еще саперы, поскольку яма может быть заминирована. Они не всегда приезжают вовремя, но Эва все равно спускается. А также солдаты СФОР, охраняющие группу и одалживающие Эве тросы, если того, что в ее машине, недостаточно. Эва работает внизу, вместе с патологоанатомом и несколькими рабочими, остальные ждут на поверхности. Лежат в тени до самых сумерек.

Неподалеку от деревни Доньи-Дубовик посреди поля, в том месте, где следует копать, свидетель положил коробку из-под папирос. Вокруг мульды и кратеры.

В первых числах июня (жара!) группа выехала на эксгумацию. Отыскали на поле коробку из-под папирос. Экскаваторщик приступил к работе. Срезали все кусты вокруг (лишив людей последней тени), перекопали четыре ближайших кратера. Опустили зонды. Пусто. Группа уехала.

Следователь Трибунала снова встретился со свидетелем. Тот обещал еще раз оставить условный знак. Видимо, он делает это ночью. Снова приехала группа, снова - на том же самом месте - обнаружила коробку из-под папирос.

Утомившись, один из участников группы, ирландец, отправился размять ноги. И чуть поодаль обнаружил накрытую большим камнем яму.

Спелеолог спустился туда на тросе. Вернувшись, сказал, что пещера глубиной в двадцать метров, имеет форму трубы и очень красива: бежево-медовые стены, масса сталагмитов. На дне - одежда, одеяла, кости. Он достал один череп в доказательство того, что останки человеческие. Скелетов оказалось много, Эва потом намучилась, пока все сложила.

Опустили вниз веревочные лестницы. Через два дня привезли металлические. Эти лучше - более устойчивые.

- Удобные, - хвалит Эва.

Однажды ее муж дома, в Исландии, сидя в своем кресле, увидал по каналу Си-эн-эн, как жена спускается в пещеру спиной к лестнице. Тут же позвонил и сурово отчитал. Так что уж в пещеру Лисач она спустилась как положено. Вместе с патологоанатомом. Деревянную платформу подвесить не удалось - кто-то забыл

крепежные колесики. Пришлось стоять прямо на костях (это нехорошо - Эва известна своим уважением к самой последней косточке). Дно - пять метров на полтора - слишком широкое, чтобы упереться ногами в стены.

Электрики осветили пещеру:

- И вправду чудесная, - говорит Эва.

Да уж - на лицо капает, скользко и холодно. Бегают крысы, пауки, еще какие-то насекомые.

Эва разделила дно на секторы: А, В, С, D, E, F. Сделала первые наброски.

Тела лежат друг на друге, расчлененные, причудливо изогнутые, вывихнутые - они летели с двадцатиметровой высоты, ударяясь о стены пещеры, задевая сталагмиты и сталактиты. Дно еще хуже, чем в Храстова-Главице. Мало того что покатое, так еще и в обе стороны трапецией.

- Черепа откатывались к стенке, - объясняет Эва, - словно мячики.

Пещера похожа на коробку, которую кто-то взял да и потряс хорошенько. Все содержимое рассыпалось. Одежда лежали сверху.

Убивали людей, вероятно, в близлежащей деревне Доньи-Дубовик (свидетели утверждают, что это происходило около церкви). Тела, наверное, погрузили на телеги, иначе сюда никак не подъедешь. А к самой пещере уже и на телеге не подберешься, поэтому пришлось нести на одеялах. Их использовали по многу раз и сбросили вниз вместе с последними трупами.

Экспертная группа укрепила систему тросов для транспортировки тел.

В первый день Эва, стоя в неудобной позе, извлекла девять тел. Все они принадлежали мужчинам: доктор может определить пол сразу. Каждое упаковали в пластиковый пакет («body bag») - и вверх.

Там ждала мать Мейра. Она живет далеко (в трех часах пути отсюда), но все же привезла Эве обед. Запеченное мясо, салат. Остальные тоже перекусили.

Наконец над костями подвесили дощатую платформу. Доктор Эва смогла встать на колени.

На следующий день - шестнадцать тел. Номер 25 - женская тазовая кость. Юбка, колготки и красный свитер. С характерной застежкой на плече. И нитка жемчуга. Сразу позвали тех, кто мог что-то знать.

- Это Садета, - сказали бывшие узницы Омарской. - Так она была одета, когда садилась в автобус.

Садета Меджунянин, мать Энеса и Хариса, учительница истории.

Женщины расплакались.

Доктор Эва ни словом не обмолвилась Мейре о том, что теперь уже почти уверена.

В воскресенье (когда у группы выходной) вместе с молодым патологоанатомом она стирала в детской ванночке выкопанную одежду.

Другие женские останки она нашла в понедельник (26 июня). Сектор F, номер 42, почти на самом дне. Женщина была брошена в яму одной из первых. Значительно младше Садеты - это Эва определила сразу. Доктор упаковала кости в «body bag».

Мейры в этот день не было. Утром она почувствовала себя плохо, попала в больницу. Успела только попросить мужа отвезти Эве обед.

- Я ела, - говорит доктор Клоновски, - и смотрела на Узеира. Мейре я, может, и сказала бы...

Узеир - когда-то глава семьи, владелец строительной фирмы. Теперь сгорбленный старик (1939 года рождения). После всего случившегося он перенес уже два инсульта. Целыми днями молчит, а когда открывает рот, весь трясется: то его пинает незримый палач, то они меняются ролями, и Узеир сам истязает невидимую жертву. Общения с окружающими людьми он избегает.

- Не смогла я ему сказать, - говорит Эва, - что вот он, тот автобус, вот она, Эдна.

Игрушка

Эдне, как и остальным, сначала прострелили таз. На всякий случай: бывало, что люди пытались убежать. И лишь затем - пуля в грудь.

Обо всем этом доктору Эве рассказали кости. Ее голос звучит спокойно:

- Начнешь переживать - не заснешь. У меня здесь и так бессонница. Проснусь в три утра - перед глазами продырявленные черепа. Вот расстреляли парня. Одного, другого, пятидесятого. Это я понимаю. Но как возможно, чтобы полсотни мужчин покорно ехали на верную смерть? Почему они ничего не предприняли, не попытались спастись? Несколько палачей велели им выйти из автобуса. И они покорно вышли. Покорно встали к стенке.

Доктор Клоновски предпочитает не задавать себе вопросов:

- Это меня расхолаживает, деморализует. Моя работа - складывать кости. Это все, чем я могу помочь. Какой из меня солдат?

В Комиссии по делам без вести пропавших помнят, как Эва проводила эксгумацию в окрестностях Приедора.

- Я копала, зная, что найду детей. Мне все равно, ребенка я выкапываю или старика. Кости - это кости. С той лишь разницей, что детские более многочисленны и менее долговечны. Так вот, я и обнаружила то, что ожидала увидеть. А рядом лежала игрушка, Супермен. Ее надо сунуть в пластиковый мешок. А я не могу. Держу фигурку в руках, а наверху ждет отец ребенка. Я чувствую, что больше не могу, того и гляди расплачусь. Твержу себе: Эва, кто-то должен работать. Вот кости. Вот игрушка, найденная рядом с ними. Положи ее в пластиковый пакет и займись следующим телом.

Ангар

Бывают в работе доктора Клоновски и радостные моменты.

К примеру, известие из Мадрида: ДНК кости «KV 014» - это сын Мейры и Узеира Даутовичей.

И еще одно: ДНК кости номер 042 (пещера Лисач) - это дочь Мейры и Узеира Даутовичей.

В этом смысл работы Эвы. Смысл жизненной миссии доктора Клоновски, как утверждает ее муж, который проводит здесь летний отпуск. Эва берет его с собой на службу: *vacations on exhumations*¹⁷. Миссии этой не видно конца: еще как минимум десять тысяч тел ждут, чтобы их нашли и эксгумировали. Необходимо идентифицировать более десяти тысяч человек.

Никто, кроме доктора Эвы, не станет слишком переживать, если череп «не подходит» к позвоночнику. Извлекли, скажем, пять спрессованных тел, разложили на глазок по пяти пакетам и похоронили в пяти гробах... Если складывать все выкопанные кости столь скрупулезно, как это делает доктор Эва, работы хватит для нескольких антропологов на сотню лет.

Хотя другие здешние специалисты работают быстрее и небрежнее, эксгумация все равно продвигается медленно. Работу финансирует Международная комиссия по делам без вести пропавших (созданная в США специально для бывшей Югославии). Никто в Боснии не заинтересован в спешке.

- Не дай Бог, - говорит Эва. - Конец тогда высоким заработкам, карьере, поездкам на международные конференции. Следует копать потихоньку. Чтобы хватило на долгие годы, до самой пенсии. А матери и вдовы? *Who cares?*¹⁸ Кого они

¹⁷ Отпуск-эксгумация (*англ.*).

¹⁸ Кого это волнует? (*англ.*).

волнуют? Nobody cares¹⁹, что я care²⁰. Мне это причиняет боль, хоть это и не моя страна, не мой народ. Я, наверное, просто идиотка. Но ведь и такие имеют право на существование, верно?

Этой осенью Эва работает, в основном, в пригородах Сански-Моста (сараевская квартира пустует: вот уже несколько недель она ночует в гостинице). На пустыре стоит большой ангар. Когда-то склад стройматериалов, сегодня - склад человеческих костей. И того, что при них обнаружено.

Ангар хорошо проветривается, никаких запахов. Две сотни пластиковых «body bags» лежат на земле, в том числе и те, из пещеры Лисач. Вместе с костями - одежда, зажигалки, кошельки, семейные фотографии, всякая мелочь.

Люди приезжают из близлежащих деревень, из Сараево, из Загреба, из Вены, из Гамбурга, из Нью-Йорка - ходят и смотрят. Останавливаются над каким-то телом, двигаются дальше, разговаривают с доктором Клоновски (порой Эва поддерживает их под руку), качают головой, молятся, плачут, некоторые теряют сознание, тогда она вызывает «скорую».

Время от времени в ангаре появляется очередной журналист из Сараево и интересуется у Эвы, зачем ей все это надо.

- Не знаю, - отвечает та с улыбкой. - Что-то меня подталкивает. Need to do something good²¹. Я словно бы хочу в одиночку исправить все то плохое, что сделали другие. У меня редкая профессия, и именно тут она пригодилась. Мое место здесь.

Недавно на встрече членов Американской академии судебных наук знакомый француз спросил Эву о том же самом. А та шепнула ему на ухо:

- Я это делаю, потому что спятила. I'm crazy²².

Француз взглянул на Эву совершенно серьезно:

- Я так и думал.

Ангар. Здесь соблюдают тишину, говорят шепотом. И Эва тоже понижает голос, объясняя свою позицию:

- Это не ради карьеры, с ней я уже опоздала. Сейчас мне платят, но иной раз я месяцами едва наскребала в Сараево мелочь на батон хлеба, потому что дотация не выплачивалась. Я работала бесплатно и сейчас могу.

В ангар входит мать Мейра. Здесь она чувствует себя как дома. Сколько раз Мейра брала под руку чью-то мать и помогала осматривать тело за телом. Теперь

¹⁹ Никого не волнует (англ.).

²⁰ Волнуюсь (англ.).

²¹ Мне необходимо делать что-то хорошее (англ.).

²² Я сумасшедшая (англ.).

она приехала, чтобы увидеть свою дочь (ей уже сообщили хорошие новости из Мадрида). Но прежде она обнимает Эву. Затем берет в руки череп Эдны.

- До чего же хорошо все узнать, - говорит она. - А Эдвин? Как его выкопать? Я должна похоронить его возле Эдны, пусть они лежат вместе.

- Напиши начальнику полиции, - советует Эва.

С мая месяца Эдвин лежал в Козараце - неопознанный среди других неопознанных тел (седьмой ряд, табличка «KV 014»). Формальности заняли два месяца. Наконец, когда уже были готовы все документы, мать Мейра организовала машину (комби) и поехала в Козарац (территория Республики Сербской Боснии и Герцеговины). Там к ней присоединились сербские полицейские и сербские чиновники. Рабочих - тоже сербов - Мейра наняла на строительстве какого-то дома. Привезла Эдвина в Сански-Мост, сюда, в ангар, и доверила Эве. Назначила день похорон - 6 октября 2000 года, суббота.

Теперь мы стоим перед ангаром в Сански-Мосту (двести метров в длину, тридцать в ширину). Осеннее утро, холод, туман. Мейра наливает из термоса горячий кофе, угощает собравшихся, здороваются с дальними родственниками.

- Не надо плакать, - напоминает она молодой женщине. - А то еще Небойша увидит.

Мейра уверена, что Небойша когда-нибудь предстанет перед Гаагским трибуналом и ответит за все, что совершил в Омарской восемь лет назад. По мнению Мейры, Бог и так уже наказал его за Эдну.

- Он женат, - говорит она, - но детей нет. Разве может быть наказание страшнее?

В глубине ангара - доктор Эва. Час тому назад она поздоровалась с Мейрой и принялась за работу. У доктора Клоновски редко выдается свободная минута (чтобы отдохнуть, погулять, посидеть в кафе, съездить на море). Мы хорошо видим Эву: вот она стоит среди белых пакетов, уложенных ровными рядами на полу. Держит в руке кость, прикидывая, чья она. Кто-то зовет Эву - второй ряд, пятое тело справа. Доктор Клоновски подходит, она всегда к услугам родственников. С ней хочет поговорить Энес - сын Садеты, убитой вместе с Эдной.

Сын Садеты

- Это не жемчуг, - рассказывает Энес про бусы, обнаруженные возле тела матери. - Это белые камни из Охрида, скорее даже не белые, а седые. Маме их подарил отец. Она не носила золота, не любила.

Садета Меджунянин, учительница истории из Приедора, лежит теперь во втором ряду слева. Сын, вероятно, в самое ближайшее время похоронит ее. Но сперва ему хотелось бы найти младшего брата, Хариса. Энес надеется, что он тоже здесь. Восемь лет назад они с братом шли через лес. Вместе с другими людьми пытались прорваться из Приедора в Хорватию. Тщетно: нарвались на засаду, раздались выстрелы. Бросились бежать сломя голову, не разбирая дороги. Почти все выжили, но Харису не повезло.

Харис Меджунянин, 1970 года рождения. Он остался где-то в тех зарослях. Недавно доктор Эва собирала там кости, продиралась через кусты. Останки привезли сюда, в ангар.

Так что, может, и Харис уже здесь, ждет, чтобы брат его опознал.

Итак, сперва погиб Харис: застрелен в лесу по пути в Хорватию. Энес же попал в Омарскую. Вместе с матерью и отцом.

Родители были из интеллигентов, что в Омарской означало принадлежность к так называемой первой категории. Энес - тоже как студент.

Первая категория: мусульманская интеллигенция, люди побогаче и участники вооруженных акций против сербских войск (как Эдна и Эдвин Даутовичи, дети Мейры).

У охранников имелся список.

Первая категория это те, кого следует уничтожить в первую очередь.

Сначала узников били. Били охранники, следователи, а также обыкновенные местные жители. На территорию лагеря мог войти любой желающий - при условии, что он серб. Имел право взять что-нибудь тяжелое (например, металлический прут или лопату) и избивать «понравившегося» мусульманского заключенного.

Надо сказать, что местные жители (крестьяне? ремесленники? рабочие?) не упускали этой возможности - били узников, а затем как ни в чем не бывало отправлялись по домам.

Отцу Энеса переломали, кажется, все кости. Он умер у сына на руках через четыре дня. Тело не обнаружено и по сей день.

В тот вечер, незадолго до того, как Эдну и Садету увез из Омарской автобус, Энес отправился в соседний барак навестить кого-то из дальних родственников. В этот момент в его барак вошел охранник (по имени Чигго) и выкрикнул фамилию Меджунянин. Автобус был уже почти полный (среди тех, кого якобы собирались обменять на сербов, оказались Эдна и Садета), оставалось четыре свободных места. Потому и позвали Энеса. Кто-то из узников побежал за ним.

Но тот решил не спешить - выкурить с родственником еще по сигарете.

Охранникам, видимо, было некогда его искать. По каким-то причинам они торопились. Водитель уже прогревал мотор. Вызвали следующего по списку.

Энес хотел бы знать кого. Кто пошел вместо него?

Через несколько дней охранники опять явились со своим списком. Они что-то напутали с документами и не знали точно, кого уже вывезли, а кто остался.

И вновь прозвучало:

- Энес Меджунянин!

- Я, - ответил юноша

- Ты еще жив? - охранник не скрывал своего удивления.

Заклученные догадались, что людей везут не обменивать, а убивать.

А Энес понял, что случилось с его матерью. Значит, из всей семьи он остался один.

6 августа 1992 года. Ликвидация лагеря в Омарской после обнаружения его заграничными журналистами. Фотографии живых скелетов за колючей проволокой обошли весь мир.

Вот как раз эти скелеты и загнали в автобусы.

Энес пристроился где-то сзади.

Колонна тронулась.

Автобусы остановились возле другого лагеря, в Маньяче.

Вылезать не велели. Охранники пили.

Сначала вызвали некоего Крака, потом некоего Деда - лиц первой категории.

Зарезали их прямо рядом с автобусом, на глазах у всех.

Дальше выкрикнули:

- Меджунянин!

Тот решил промолчать.

Тогда стали хватать всех подряд. Охранники были уже совсем пьяные. Убили семнадцать мужчин, потом угомонились.

Светало. Оставшихся в живых согнали на площадь и вместе с прочими узниками выстроили по шесть. Явились другие охранники, очередная смена в лагере в Маньяче. Заклученных загнали в конюшню неподалеку. Велели раздеться. Видимо, рассчитывали, что в одежде будет легче обнаружить драгоценности или деньги. Энес вновь увидал охранников из Омарской. Они направлялись к нему. Юноша заметил ворота. Юркнул туда. И кто-то эти ворота закрыл.

- Наверное, сам Аллах, - говорит он сегодня.

Это были ворота лагеря. Охранники из Омарской видели, как Энес туда вбежал. Хотели войти следом, но их не пустили. Местный комендант соблюдал международные конвенции, которые гласят, что с оружием вход в лагерь военнопленных воспрещен.

Лагерь, правда, был концентрационный, а не для военнопленных.

Энес спрятался в каком-то бараке, выходил только поесть. Так он провел почти месяц. Пока вновь не услышал:

- Меджунянин!

На этот раз звали отца. Фамилию сообщила мусульманская сторона: отца (в числе нескольких десятков других) требовали в обмен на сербских пленнх.

- Нет отца - иди ты, - сказали охранники.

Энес отказывался, он не верил в обмен. Его убьют, как убили мать.

- Если ваши согласятся взять тебя вместо отца, пойдешь, - сказали они. - Нет - так вернешься.

«Никогда я сюда не вернусь, - подумал юноша, - останусь лежать где-нибудь в лесу».

Он сел в автобус. Выехали на главное шоссе Баня-Лука - Яйце.

Двигались медленно.

Свернули на грунтовую дорогу, затем и вовсе на тропинку.

Снова вернулись на главное шоссе. Проехали еще немного.

Остановились посреди дороги.

Узникам велели выйти.

В нескольких сотнях метров стояли люди.

Оттуда приблизились несколько мужчин. Они улыбались, шутили.

- Будто они не понимали, что происходит, - говорит Энес. - Словно один привез на рынок перец, а другой - помидоры.

Главный среди тех, что подошли, - мусульманин - взглянул на узников.

- Что вы с ними сделали? - спросил он сербских охранников. - Сколько они весят? По тридцать кило? Вот вам ваши, в каждом сотня килограммов. Надо бы пересчитать - одного к трем.

Все засмеялись удачной шутке.

Мусульманин подошел к Энесу:

- Где отец?

- Он умер у меня на руках, - ответил тот как можно тише. - Забили до смерти.

- Отца у тебя четники убили? - громко переспросил тот. - Пойдем с нами.

И по асфальтовой дороге он пошел к своим. Хотел бежать, но не мог. Ноги - словно из камня, каждый шаг - километр, секунда - столетие. Медленно, не оглядываясь, лишь бы только вперед.

Теперь - вместе с Эвой - он опознает кости брата.

Впереди похороны, молитва, могила. Две могилы. Хариса и матери - Садеты, найденной рядом с Эдной, дочерью Мейры.

Два гроба

Теперь и мы входим в ангар. Мейра ведет траурную процессию вдоль стены, к двери слева. В маленьком зале на чистых плитках лежат рядом два скелета: дети Мейры.

- Эва их вчера так красиво уложила, - говорит Мейра. - Милая моя Эва.

И Узеир тут. Он не говорит ни слова.

Внесли два белых гроба. Белые простыни. Одна крышка, другая. Процессия выходит из ангара и направляется в Босански-Петровац (в пятидесяти километрах). Там теперь живут Мейра и Узеир - в чужом, бывшем сербском, доме.

- Наша мать Мейра нашла своих детей! - делились вчера друг с другом доброй вестью жители Петроваца.

Теперь перед мечетью собралась большая толпа - взглянуть на гробы. Некоторые (не все) входят в храм, они будут петь Йя-Син.

Кладбище в Бихаче (еще пятьдесят километров). Присоединяются новые люди: бывшие соседки по Приедору (подобно Мейре, они мечтают узнать хоть что-нибудь о своих родных), однокурсницы Эдны (молодые, красивые), матери сыновей, пропавших в Братунаце и Сребренице (подобно Мейре, они хотели бы похоронить своих детей). И доктор Эва тоже здесь.

Над могилой имам просит Аллаха принять умерших в свое царство. Какая-то молодая женщина подходит к микрофону. Говорит решительно, взволнованно:

- Дорогая наша Эдна! Трудно подобрать слова, чтобы выразить нашу боль. Известие о том, что найдено твое тело, всколыхнуло в нас страшные воспоминания об Омарской, Трнополе и Кератерме. Нам, прошедшим через них, никогда не забыть эти дни, никогда не обрести покой. Мы станем бороться, чтобы наказать тех, кто тебя, такую молодую, столь безжалостно отослал в вечный дом.

Похороны, молитва, могила. Две могилы.

- Камень с плеч, - вздыхает Мейра. - Пойдемте в дом.

- Берите пример с матери Мейры, - так говорит имам. - Она доверилась Аллаху и нашла в нем поддержку. Мейра знает, что ей было суждено родить детей, пережить их смерть и сегодняшние похороны. Она не ропщет на Бога, не бунтует, не богохульствует.

Трудно понять, как может один человек причинить другому столько зла. Люди спрашивают имама: почему Бог позволил? Зачем оставил нас? Это хорошо, что они спрашивают, считает имам. Раньше на этой земле люди забывали о Боге. Они совсем в Нем не нуждались. Теперь мы испытываем ненависть к нашим сербским соседям. Коран учит, что так нельзя. Что следует прощать. Это нелегко. И теперь Бог нужен нам больше, чем когда бы то ни было. Один лишь Бог способен помочь преодолеть ненависть. И побороть страх: вдруг это еще не конец, вдруг снова придет день, когда наши соседи станут убивать нас? Только Бог может уберечь от этого и всех привести к прощению. Подобно тому, как Он направляет Мейру.

Теперь - в большой комнате Мейры и Узеира - имам готовится совершить Йя-Син. Так велит Коран. Имам будет петь по-арабски. Мейра вынимает из шкафчика небольшую скатерть и энергичным жестом кидает ее Эве на колени:

- Ноги! Прикрой ноги!

«Неужели человек не знает, что Мы сотворили его из капли? И тем не менее он открыто пререкается!

И приводит он притчи, забыв о том, кем сотворен, и говорит: «Кто же оживит истлевшие кости?»

Отвечай: «Оживит их Тот, кто создал поначалу, ибо Он сведущ в любом творении.

Тот, кто зажег для вас огонь из зеленого дерева. А теперь вы от него зажигаете».

Неужели Тот, кто сотворил небеса и землю, не в силах создать подобное им? Да, способен! Ведь Он - Творец, мудрый.

Когда Он хочет чего-либо, то стоит только Ему произнести: «Возникни!» - и творение возникает.

Слава тому, в чьей мощи власть над всем сущим. И к Нему вы будете возвращены».

Мать Мейра прикрывает глаза, она плачет. Женщины приносят из кухни запеченную телятину, салат, затем сладкую пахлаву.

Темнеет. Эва уже в машине (едет в Сараево), говорит с кем-то по сотовому телефону. Речь идет о костях. Доктор заканчивает разговор, вновь набирает номер, улыбается дочери - та в Рейкьявике празднует восемнадцатилетие. Поздравляет. Несмотря на дождь, она едет быстро, срезает повороты. Снова звонок.

- Мне легче, Эва, - говорит Мейра. - А ты береги себя.

2000-2002